В. А. ЛАРІОНОВЪ

Боевая вылазка въ СССР

„Борьба за Россію"
1931

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Все рассказываемое в этой книге — правдивая запись пережитого и выстраданного. Сами большевики подтвердили описанное тут в своих газетах за июнь-июль 1927 года и в особой брошюре — «Белогвардейский террор против СССР».

* * *

В начале июня 1927 года группе белых партизан РОВС во главе с капитаном Ларионовым (двумя другими участниками группы были бывшие воспитанники русской гимназии в Гельсингфорсе Сергей Соловьёв и Дмитрий Мономахов) удалось беспрепятственно перейти границу СССР со стороны Финляндии и, проникнув в Центральный Ленинградский партклуб, находившийся в здании по адресу Набережная реки Мойки, д. 59, взорвать зал заседаний, где в это время собрался коммунистический актив для обсуждения «доклада тов. Ширвиндта».

Удачно проведённая боевая операция стала дерзкой пощечиной всем ленинградским чекистам. Мало того, что группе Ларионова удалось тогда успешно реализовать свой замысел и невредимыми уйти за границу. Так еще и четыре года спустя в Париже вышла книга «Боевая вылазка в СССР», в которой подробно и крайне живописно рассказывалось читателям о всех деталях этой победоносной операции.

Книга никогда не издавалась в России.

- В. А. Ларионов
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В. А. Ларионов
БОЕВАЯ ВЫЛАЗКА В СССР
Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Партклуба (Июнь 1927 года)

В. А. ЛАРІОНОВЪ

Боевая вылазка въ СССР

Записки организатора взрыва Ленинградскаго Центральнаго Партклуба

(Іюнь 1927 года)

„Борьба за Россію"
«La Lutte pour la Russie»
123, Bd St-Michel, Paris (5)
1931

BIBLIOTHÈQUE DE L'UNION
81, Rue Mademoiselle - PARIS
N° 1963

В. А. ЛАРІОНОВЪ

Д. МОНОМАХОВЪ

С. В. СОЛОВЬЕВЪ

В моем рассказе о боевой вылазке в СССР — о взрыве в июне 1927 года Ленинградского Центрального Партклуба — я умолчал лишь о двух-трех мелких фактах, что вызывается причинами, о которых вряд ли нужно особо распространяться. Не касаюсь я по тем же причинам и самой организации боевой вылазки в СССР. Об этом можно будет рассказать лишь впоследствии, когда борьба с советской властью будет закончена. Задача автора скромна: познакомить читателя с настроениями, переживаниями и ощущением боевой работы там, на театре боевых действий.

Впрочем, страстно хочется этой книгой достичь еще одного: заразить жаждой борьбы с поработителями нашей Родины нашу русскую молодежь и там, в России, если проникнет туда моя книга, и здесь, за рубежом. Быть может, мои записи — хотя бы между строк — дадут готовым на подвиг и жертву несколько полезных советов, выводов и примеров.

«Ответный террор против компартии!» — вот лозунг, наиболее действенный в борьбе с палачами. В ночных кошмарах им, убийцам, ворам, садистам и растлителям духа народного, чудится грядущее возмездие. Хулители имени Бога на земле чуют, что *час расплаты не может не прийти*.

Только действие — твердое, прямое, бьющее прямо в цель — способно положить конец бесчинствующей власти маньяков. И только жертва чистая и святая восстановит честь опозоренной и безмерно поруганной Родины.

Русская молодежь, повинуясь зову долга, умела беззаветно умирать на полях сражений и с улыбкой становиться к стенке под дула чекистских ружей. Кому, как не этой молодежи, должен быть понятен и близок тернистый путь Канегиссера, Коверды и Конради, путь Марии Захарченко, Радковича и Петерса, смерть Соловьева и Шарина в лесах Онеги, скорбный путь Болмасова и Сельского.

И *нет иных путей* для тех, кто признает наш общий страшный долг крови, залившей родную землю в бесчисленных подвалах. И *нет иного действия, кроме боя*, хотя бы для этого пришлось биться одному против всех.

* * *

Нас было трое: два славных парня, решившихся на все: Димитрий и Сергей, и я — марковец-артиллерист. Мы только что перешли черту жизни и смерти — границу СССР, небольшую, неглубокую речку Сестру, но быструю и холодную, с дном неровным, устланным острыми и скользкими камнями.

До этого мы долго сидели на скате обрыва, за кустом можжевельника, и всматривались в пелену речного тумана — на полянку и холм, — где в это время обычно появляется очередной патруль погранохраны. Патруль, однако, не показывался. Наш проводник решил не терять времени и, раздвигая кусты, стал проворно спускаться к реке.

Было около десяти с половиной часов вечера. Белая, северная июньская ночь не прятала красивых рельефов знакомой мне еще с детства местности — извилистой, окутанной туманным облаком

речки в долине, четких в ночном небе контуров сосен и елей, громады каменистого обрыва, зарослей ольхи и мелких, кривых березок на болоте, на той, на нашей, русской стороне. И в душу лился все тот же родной запах болот, сосен, весенней земли, то же журчанье речных струек и болотных ключей и песнь тоски и печали — музыка северного леса — пение кукушки. Казалось, что не было в прошлом десяти лет скитаний, горьких потерь, тяжелых ран, утраты родной земли, калейдоскопа переживаний — от сказок степных походов — этих легенд подвигов и кровавых терний — до палаток Галлиполи в долине «роз и смерти»; от видений минаретов Стамбула и сказок тысячи и одной ночи развалин Румели-Гиссара — до тупика фабричной стены приморского города, где под монотонное, безвыходное жужжание приводных ремней текли серо и бесцветно последние дни жизни моей.

Все было и казалось сном — прошлое и настоящее. Холодный, запотевший в мелких каплях тумана большой маузер — это была действительность…

— Надо тише… — сказал наш проводник, немного коверкая русский язык. — Здесь, сейчас над берегом, патрульная тропинка…

Мы знали, что последний дозор погранохраны прошел еще около полудня, вечернего — мы не дождались, так что он мог показаться каждую минуту.

Дрожа и лязгая зубами от холода, мои друзья спешно надевают брюки и сапоги… Мы уже на небольшой песчаной отмели русской стороны… Проводник и я перешли вброд, не раздеваясь, и, по-видимому, оба переживаем одинаковое ощущение мокрой одежды, прилипшей к телу…

Страшно?.. Нет, скорее интересно. Жутко и в то же время как-то смешно при мысли о том, что еще вчера мы ходили по улицам европейского города и даже ездили в нарядном лимузине, а сегодня, сейчас, будем красться по лесным дебрям с револьверами и ручными гранатами, готовые каждую минуту «угробить», не говоря лишних слов, первых встречных… Майнридовские охотники за черепами, сиуксы или гуроны… Аналогичное чувство испытывают, вероятно, охотники на львов и тигров.

Проводник явно нервничает: молодежь слишком долго одевается на таком обнаженном месте. Мои друзья волнуются, никак не могут натянуть узкие и высокие сапоги на второпях обмотанные портянки.

Поднимаюсь на крутой откос берега. Четко вижу вытоптанную патрульную тропинку. Налево видно довольно

далеко — до изгиба реки, где особенно густо висит полоса тумана; направо — стена темного осинового леса; отсюда-то и могут ежеминутно появиться люди в серых длинных шинелях… Предохранитель маузера легким нажимом пальцам сдвинут на «огонь».

Подходит проводник. Он «бывалый», около ста раз бывал уже «там». Среднего роста, худощавый, юркий, белесый, жесткие усики — тычком, вместо передних зубов — дыра… Нельзя сказать, чтобы особо внушал к себе расположение… Да еще ко всему этому — явно трусит и нервничает. Одет он — под «товарища», в русскую солдатскую шинель с неформенными пуговицами, без хлястика, с разорванным воротом. На голове серая потрепанная фуражка; на ногах, как и у нас троих, высокие сапоги.

— Если что, сразу ложитесь и стреляйте. Они трусы, сразу носом в землю и стреляют куда попало. А как выпустите обойму, отбегайте к реке зигзагами, за кустарником, но не все сразу…

С планом действий проводника я не согласен, но не возражаю пока что ему. У меня план несколько иной… Чтобы не промолчать, спрашиваю проводника:

— Чем они вооружены?

— Винтовками.

— Ну, это не плохо. В лесу маузер полезнее винтовки…

— А сколько их ходит в патруле?

— Да разно — пять, шесть человек. Это — первая линия погранохраны, а дальше идет линия патрулей ГПУ, те ходят по двое с револьверами. Кое-где по лесным дорогам ездят конные дозоры. Если ждут переходов, устраивают в разных глухих местах засады.

— Собаками они тут для слежки не пользуются?

— Есть у них и собаки, да они ни к черту — плохо ученые и заморенные…

Молодежь моя, наконец, готова. Пошли дальше, раздвигая ветки и прыгая по болотистым кочкам. Шепотом сговариваемся о моем плане действий в случае встречи с красными. План краток: пробиваться хоть в одиночку, но непременно вперед, и хоть частично, но выполнить свою задачу.

Идем «змейкой», дистанция пять шагов. Впереди проводник, за ним я, как старший и обладатель маузера с прикладом, потом Димитрий с большим «парабеллумом» и последним Сергей с наганом. Он — резерв в случае стычки, ибо наган с его сложным перезаряжением в таком бою почти не оружие.

— Прыгайте через тропинку!.. — шепчет проводник. — Нехорошо, если поперечный след оставим — могут поставить

собаку…

Углубляемся в густой, болотистый лес. Вода выше колен, ноги вязнут. Становится совсем темно. Большими прыжками стараемся прыгать на сухие кочки. Каждые три-четыре минуты проводник останавливается и прислушивается. Он очень озабочен, сильно нервничает. Мне уже говорили, что только несколько дней тому назад наш проводник попал в этих же краях в засаду, но убежал, а бывший с ним курьер иностранной разведки погиб. Погибать нашему проводнику не хочется, а дело у него вновь опасное…

Кукушки смолкли. В лесу ни звука. Только тяжелое хлюпанье наших сапог в болоте да треск хвороста под ногами Димитрия и Сергея — непривычны бесшумно ходить по лесу. Проводник при каждом треске ветки сердито оглядывается и укоризненно качает головой…

Откуда-то издали донеслось хоровое пение, протяжное, русское, солдатское.

— С кордона… Верно, пьяные… Километра два отсюда до поста, — сказал проводник.

Я ясно помню этот кордон еще с молодых лет: группа казенного вида домиков у шоссе, полосатая рогатка, будка часового и колокол. Когда подъезжал воз с сеном или иной кладью, часовой бил в колокол, из ближайшего домика выскакивал худенький, испитой чиновник с зелеными пограничными петличками и втыкал в воз острую длинную спицу, ища контрабанды. Стройный, загорелый ротмистр в затянутой по-юнкерски гимнастерке был предметом зависти юнца-гимназиста, давно решившего быть военным. Бравые солдаты в зеленых фуражках, на рослых вороных конях… Они тоже пели по вечерам, и песни их разносились над туманом речной долины… Рано-рано июльским утром 14-го года пели они здесь последний раз, цокая копытами лошадей по щебню шоссе «справа по три». Они шли грузиться на фронт, а на их место пришла «крупа» — рыжебородые отцы-ополченцы.

Пение сейчас иное, слишком какое-то распущенное, удалое, может, даже пьяное, но все же — солдатское, русское… И тоской защемило сердце…

— Тихо… тише… — зашипел проводник, поднял руку и остановился.

Я поравнялся с ним… Перекресток лесных дорог… Из-за леса направо слышится многоголосый собачий лай.

— Милое М.

Опять лес, опять болото, тропки, кочки, гнилые пни и сырая мгла.

— Внимание, сейчас переходим шоссе…

Из-за густой поросли елей показывается ровное, выбитое щебнем широкое шоссе — светлая полоса после лесного сумрака.

— Быстро… бегом и все враз…

Пять прыжков, глубокая канава и опять лес.

— Отдохнем, — предлагает проводник, — самое опасное прошли…

Прилегли в холодный, влажный мох. Смотрю на часы: час ночи. По времени пошли верст восемь, но от быстрой ходьбы, прыжков по кочкам, от нервного напряжения усталость во всем теле… Успокаивает лишь сознание кинутого жребия: возврата нет.

Шепотком переговариваемся с проводником и жуем взятые с собой бутерброды. Ломаю плитку шоколада и делю на четырех. Проводник предусмотрительно шоколадную обертку зарывает в мох.

— Лишний след…

Минут через пять пошли дальше. Ведет проводник осторожно, по каким-то крутым оврагам и такой густой чаще, куда, пожалуй, никакой «товарищ» не залезет, хотя бывалые люди говорили, что засады большевики иной раз и прячут именно в таких медвежьих оврагах.

Чу, человеческие голоса… И совсем близко. Замираем… Вслушиваемся… Пальцы впиваются в приклад маузера. Доносится до нас осторожный стук топора.

— Лес рубят — воровство, — поясняет проводник. — Теперь по всей России по ночам леса рубят. Но не надо, чтобы нас кто-нибудь видел…

Свернули в болото и дали большой крюк. Тяжело идти — ноги выше колен уходят в торф. Из-под ног с пугающим, неожиданным шумом вылетают тяжелые болотные птицы.

Светает… Обходим какую-то большую деревню, видим розовую в лучах восхода колокольню в просеке леса, слышим мычание коров и стук телеги. Пересекаем большую поляну и выходим на дорогу. Стук телеги совсем близко… Ложимся за кусты и ждем. Смотрю на лица моих спутников — они серы от бессонной ночи и утомления. Вероятно, и я такой же.

Шагах в сорока из-за поворота дороги выползают два груженых воза — позади мужик и баба. Картина совсем мирная. Бедняги эти умерли бы от страха, если бы догадались заглянуть за куст можжевельника и увидели четырех до зубов вооруженных «белобандитов».

Вновь пересекли дорогу. Опять лес, но уже пореже. Солнышко довольно высоко и порядочно припекает. Небо голубое-голубое.

Все так зовет к радости, к жизни…

Ручей… Надо перемахнуть его. Скользкое гнилое бревно — единственная переправа. Сергей — человек не особенно ловкий — тяжело ухает по пояс в жидкую, черную, илистую жижу… Димитрий долго по-детски хохочет. Даже насупленный проводник и тот ухмыляется.

Хорошо, что перед переправой я отобрал у Сергея портфель с бомбами — словно предчувствовал. То-то удружил бы! Сергей ложится на спину и с невероятнейшими ругательствами поднимает ноги, чтобы вылить из сапог жижу. Из широких голенищ его долго бьют два черных фонтана.

Отдыхаем опять. В опасность уже втянулись. Опустили предохранители револьверов. И нервы не так уж напряжены. Лежим в кустах, а кругом букашки, мошки, бабочки жужжат, поют и славят жизнь… Пахнет вереском, сосной, болотом…

Сквозь просветы леса показывается большое озеро. Ориентируемся по карте и компасу. Проводник доказывает, что это Разлив, но я сомневаюсь и полагаю, что это озеро С-ое. На Разливе, судя по карте, стоит какая-то деревушка, а берега этого озера совсем пустынны. На противоположном, довольно отдаленном берегу видны четыре черные точки. С гладкой зеркальной глади доносятся голоса.

Кто они? Рыболовы, дачники, крестьяне? Кто знает?.. Мы ведь всех должны бояться, как дикие лесные звери…

Проводник поглядывает часто на солнце и все недоумевает:

— Я, верно, слишком большого крюку дал. А все заяц — будь он неладен: дорогу перебежал. Пришлось от беды сворачивать. Нехорошо это. Когда последний раз я попал в засаду, так тоже заяц дорогу перебежал…

И проводник не уверен теперь, какое это озеро. Но покуда проводник с нами, я должен ему верить. Пошли в обход озера, за озером должна быть прямая большая дорога на дачную местность и станцию Левашово.

Вдруг проводник пригнулся и бросился в кусты. Мы за ним. Взглянув вперед, сквозь зелень, я увидел в траве какую-то группу — то ли пестрые коровы, то ли кучка полураздетых людей, греющихся на солнце. Толком так и не разобрал. На всякий случай пошли в обход.

Идем без конца. Чаша стала невероятно густой; на каждом шагу приходится раздвигать ветки, кусты можжевельника и ольхи, переходить по колено в воде вязкие ручейки, лужи, торфяные болота.

Проводник тоже, конечно, уверен, что мы зашли не туда, куда надо, но все еще не сознается.

— Вот черт… А все проклятый заяц…

По всем расчетам мы должны были давно выйти на реку Черную, а ее все нет и нет. В довершение всех бед я потерял в этой скачке с препятствиями компас, так что нет никакой возможности ориентироваться.

Стало закрадываться в душу отчаяние…

Наконец чаща поредела. Болотистый лес покрыт следами коровьих стад. Покосившаяся старая изгородь преградила нам дорогу — за изгородью болотистый луг, прорезанный не широкой, но, видимо, глубокой речкой. Пошли берегом и через час добрались до моста, через который шла большая дорога. Притаились в рощице. Огляделись. Виднеется широкая равнина. У дороги — деревушка. Дальше — обширные черные поля и вновь полоска леса на горизонте.

Проводник явно смущен: он, конечно, привел нас не туда, куда надо… Может быть, и действительно заяц заставил его сбиться с пути. Но о том, насколько мы вышли не туда, куда нужно, я узнал несколько позже. Расставаясь в рощице с проводником, я верил, что большая дорога через виднеющийся мост ведет в Левашово, что мы уже в дачной местности, прилегающей к «Ленинграду» (В эмиграции не признавали переименования Петрограда в Ленинград и потому название «Ленинград» писали в кавычках). Увы, это был самообман: мы оказались в районе не дач, а деревень, где, конечно, будем сильно выделяться нашими френчами, высокими сапогами и портфелями.

Миссия проводника, однако, кончилась; мы простились с ним, и он нырнул в кусты…

Скрывая чувство растерянности, я принял «командование» над «вылазкой». Должен сознаться, принял без особой уверенности в себе. Но жребий брошен. Идти мы можем только вперед, что бы там ни было…

Первое — мыться и чиститься. Пошли к речке. Струйки желтоватой воды смывают с сапог и штанов налипшую глину и болотистую грязь. Умылись. Осмотрели друг друга — все ли в порядке.

Перелезли изгородь. Быстро шагаем прямо по пахоте, направляясь на шоссе, к мосту. Вот и большая дорога. После болотной топи и пней как легко и быстро идти! Усталости как не бывало. В душе поднимается какое-то новое чувство — большой радости, новизны, любопытства и гордости — несомненного довольства собой за участие в «безумстве храбрых»…

Полагается, кажется, после годов эмиграции целовать землю и плакать, но, откровенно говоря, нам было не до этого, ибо из-за

группы домиков, к которым мы приближались, уже следили за нами любопытные и удивленные глаза.

Вот и она, русская деревня!.. Сколько лет не ласкала ты моего взора своей тихой красотой! Покосившиеся, нечиненые избы, пустые хлева и сараи, кривые изгороди, крылечки с продавленными ступеньками — больной унылый край…

Россия, нищая Россия!
Мне избы серые твои…

Но жизнь идет… Дышит земля паром, струится нагретый воздух над пашней, причудливым белым миражом повисла церковка над дальним селом, синеет сосновый бор вдали, и согнутый над плугом крестьянин дополняет мирную картину. А теплый ветер шепчет на ухо: — Россия, Россия…

Но не мир вошел в сердце при виде родной земли… Нет, натянуты нервы как струны. Глаза ищут врага, полонившего Родину. И чудится он, незримый и вездесущий, — за черным окном каждой избы, в пыльном облаке скачущей по дорожным ухабам повозки, в зловещем гудении придорожного телеграфного столба…

Вечный бой…
Покой нам только снится…

До врага совсем недалеко: вот она, красная пятиконечная звезда на деревянном одноэтажном доме. Какой-то клуб, верно, комсомольский; рядом — маленькая избенка, чистенькая, с новым, свежим срубом; у окна радиоантенна; на стене кричащий плакат об очередном советском займе. Это «показательный» крестьянин, «бедняк», «сталинец», не то что его сосед по другую сторону дороги — тут развалившиеся сараи, хлевы, амбары, — свидетели того, «что было и давным-давно уплыло»…

На перекрестке чинят дорогу: рыжебородые, в лаптях, оборванные мужики; по всему видно — не здешние, откуда-то из средней полосы России. Мрачные, молчаливые… Дробят булыжник на щебень. Нас не дарят ни словом, ни взглядом. Один только, молодой, злобно покосился. Что же, начало не плохое — очевидно, нас, носителей портфелей и галифе, принимают за «строителей нового быта».

— Димка, ты заметил, как они отворачиваются от нас? Ты понимаешь, что это значит?

Не на шутку тревожила меня дорога, все более

заворачивавшая на юго-восток, а нам ведь надо путь держать на юго-запад. Да и местность по общему виду ничего общего не имеет с дачной — деревня сливается с деревней. Справка по карте подтверждает мое опасение. Наконец надпись на какой-то чайной или постоялом дворе — «Вартемяги» — дает окончательный ответ на то, где мы: проводник ошибся верст на десять… Черт знает сколько верст придется нам отмахать теперь по небезопасному деревенскому большаку!

Впрочем, первые благополучные встречи, очарование русского пейзажа, захватывающая неизвестность за каждым поворотом дороги, новые лица и быт на каждом шагу делают пыльные, облупившиеся верстовые столбы не столь уж тяжкими. Встречных много — детишки, оборванные мужики, бабы. Не мне писать остановившуюся в веках картину русской деревни… Вот «комсомолки» в ярко-алых платочках. Вот парень, вышедший из калитки, в длинной кавалерийской шинели-«буденовке». Впрочем, встреча не из приятных, так как «буденовка» потащилась ленивой и важной походкой за нами. Мы не оборачиваемся, но чувствуем за собой этот «хвост». Нужно ли говорить, как мы были рады, когда подозрительная военная шинель свернула в проулок. Вот разодетые в ситец и сильно подмазанные барышни, может быть, учительницы, может быть, дочери трактирщика. Смеются нам в глаза и оборачиваются.

Дима и тут себе верен: подмигивает им и машет рукой.

Какой-то парень повис у окна с занавесочками — флиртует; завитки на голове в три яруса, примазаны помадой, ноги в блестящих хромовых сапогах.

В облаке пыли несется нам навстречу автомобиль. Жутко… Потрепанный, запыленный «фиат» — пять-шесть каторжных лиц в полувоенных костюмах… «Власть на местах», вероятно.

Невольно напрашивается мысль: ну а если бы остановились каторжники эти да спросили: «Кто вы, мол, куда и откуда, и предъявите ваши бумаги, товарищи…»

Ответ у нас был, правда, готов: «Так что ставили, товарищи, тракторы в Дранишниках — агрономы, мол, и механик…»

Не поверили бы, тем хуже для них: в минуту мы обратили бы ручными гранатами всю эту компанию в кровавую кашу. Но «власть на местах» скрылась, как вихрь.

Солнце жжет. Нас давно мучает жажда. Сергей идет далеко позади всех, красный, потный, и хромает. По виду был здоровее нас, а похода по жаре не выносит. Прохожие глядят на него с удивлением. Мы же Димитрием — как на прогулке: плащи на руку, смеемся, поравнявшись с прохожими, посвистываем, а подозрительным смотрим в глаза в упор. Димка, мучимый

жаждой, не спросясь меня, подходит к торговке с яблоками, покупает, с непривычки путая советское серебро.

— Куда это вы, товарищи? — любопытствует торговка, баба довольно гнусного и подозрительного вида.

— Туда… — неопределенно машет Димка рукой на отдаленную деревню.

— А-а-а-а… в Горки, а что там?..

Но Димка не слушает и нагоняет нас. Он по-детски рад кислым, червивым яблокам.

— Что ты зря рискуешь?

— Ни черта. Пить хочется, все в горле пересохло.

Яблоки съедены, но жажда не унимается.

Четыре часа пополудни. Вот уже восемнадцать часов почти непрерывного марша — ночь и день.

Чтобы попасть на станцию Левашово, надо, судя по карте, повернуть направо на Кексгольмский тракт. Опять слышится отдаленное стрекотание автомобиля. Свернуть?.. Но куда? По обе стороны — изгороди и ровные поля. Лечь в канаву — глупо, прятаться — еще хуже. Единственно — вперед… Из-за поворота дороги, стуча мощным мотором, ползет медленно в гору роскошный лимузин. За рулем фигура с лицом хищной птицы. Череп совсем без растительности, а на затылке грива волос. Откинулся на своем сиденье, так важно и уверенно. Рядом с ним «девочка», накрашенная «до отказа» и худая, как скелет. В лимузине целая куча лиц; впрочем, этих я не успел рассмотреть.

Разошлись…

Местность все повышается. Внезапно открывается панорама на несколько верст вперед, и над лесом ясно виден дымок паровоза. Направление нашего пути, значит, верно — по карте тут и должна быть железная дорога. Но сил больше нет… Мы все трое — два спортсмена и я, участник кубанских походов, — дошли до предела возможности… Молоточки бьют в висках, круги черные и красные плавают перед глазами, в ногах — свинец. На Сергея жаль смотреть, он стер сапогами ноги до крови.

Дима ругает его непрерывно последними словами:

— Да сними ты плащ к чертовой матери! Да подбодрись же ты, на самом деле!.. Нас всех подводишь!

Сергей даже не отругивается… Но и у Димки настроение падает, а это уже совсем плохо. Во всей нашей операции на него делается серьезная ставка.

Делать нечего, надо зайти в какую-нибудь избу напиться и поесть. Риск большой, но другого выхода я не нахожу.

Осматриваюсь. Из группы изб намечаю отдельно стоящую небольшую избенку в два окна. Отдельно стоящую — на случай

столкновения, небольшую — считаясь с вероятностью немногочисленных обитателей.

Входим во двор. Стучимся. На цепи мечется, заливаясь хриплым лаем, лохматый пес.

На стук вышла женщина лет тридцати с печальным угрюмым лицом и спросила с финским

акцентом:

— Вам чего надо?

— Можно у вас купить молока и хлеба?

— Можно, входите…

В сенях, прямо на полу, на грязных тряпках лежит пьяный до бесчувствия малый лет сорока; очевидно, муж хозяйки. В маленькой комнатушке с тусклыми оконцами пьем холодное, густое молоко литр за литром, так что хозяйка еле успевает подносить из погреба. Ломоть тяжелого, сырого черного хлеба застревает в горле. Хочется только пить от страшной жажды, усталости и нервных переживаний. У палатей жмется кучка желтых, худых, оборванных ребятишек. Стучат дешевые часы с цветочками на циферблате. Жужжат мухи. Душен спертый специфический воздух бедной избы…

На наше счастье, хозяин сильно пьян, а хозяйка-финка, очевидно, весьма далека от политики. Мы отдыхаем с полчаса, щедро платим советским серебром и бодро шагаем дальше по тракту. Солнце склоняется к вечеру. Семь часов…

На завалинке у школы сидит группа людей в гимнастерках, полуфренчах. Над крыльцом — радиоантенна. Скверный признак… Один из сидящих поднимается и долго смотрит нам вслед, прикрывая рукой глаза, и даже как будто показывает на нас рукой.

— Не оборачивайтесь, — говорю я моим спутникам. — Идем как ни в чем не бывало…

Деревни тянутся вдоль тракта, сменяя одна другую. По самому тракту идут работы — насыпается щебень и утрамбовывается трактором. Это ведь близкая к границе дорога, и ей, как видно, большевики придают военное значение. Ремонт дороги нам на руку — мало ли строителей, десятников и инженеров с портфелями ходят и ездят по работам…

Встречаются группы молодых парней-комсомольцев, идущих с вечеринки или собрания. Большая часть — пьяны. Вихрастые завитки на лбу, кепки на затылке, толстовки «фантези» на распашку, ноги путаются в широчайших клешах — видно, мода соблюдается «четко». Типы — смесь «революционного» матроса с мелкой «шпаной». Лица мрачно-угрюмые, с наглым, насмешливым взглядом исподлобья. Встречи не из приятных, но,

очевидно, видя портфели, нас принимают за партийных, ограничиваясь легким затрагиванием, хихиканием вслед, подыгрыванием на гармошке. Может, и богатырская фигура Димы внушает известное почтение…

8 часов… 9 часов… Железная дорога уже близка. Четко слышны свистки из-за леса. Но приятели мои окончательно выдохлись и идти дальше не могут. Сворачиваем наудачу в лес, подходящий к самой дороге. Шагах в трехстах от тракта выбираю в густой заросли мелких елок, посреди болота, большую кочку торфяного мха. Мы закрыты тут со всех сторон. Недалеко от нашего «лагеря» находим и ручеек ключевой воды. Моемся, пьем воду, прикрываем сырой мох еловыми ветками и ложимся под прорезиненные плащи, прижавшись друг к другу.

Дорожный шум близок. Пыхтит автомобиль, минут через десять в обратную сторону, потом опять.

— Не нас ли ищут? — говорит Сергей.

Надо сказать, что приятели мои сильно приуныли в этот вечер, вряд ли они верили в то, что я их выведу к «Ленинграду»…

— Ничего у нас, кажется, не выйдет. Одна ерунда получается…

У меня тоже скребут на сердце кошки, но положение старшего обязывает.

— Ну, выйдет или не выйдет — об этом поговорим завтра, — утро вечера мудренее!

Решаем спать по очереди, но засыпаем враз все трое как мертвые. Я смутно слышу, как бушует гроза над нами, льет дождь…

Просыпаемся только в 9 часов утра, мокрые, продрогшие, но хорошо отдохнувшие за ночь.

Болотистый лес в теплом тумане; дождя больше нет, но воздух напоен влагой. Плащи наши черные от воды и порядком помяты; на револьверах слой свежей ржавчины. Чистим наскоро оружие, моемся и, оглядевшись, осторожно выбираемся на шоссе. Плащи приходится нести на руке — вид их неподобающий. При выходе на тракт натыкаемся на коровье стадо. Мальчишка пастух с изумлением, разинув рот, глядит нам вслед. Неприятно… Шагаем быстро и молча. У меня все мысли спружинились в одну — о сегодняшнем вечере… Друзья мои тоже задумчивы.

В стороне, на перекрещивающейся дороге замечаем вереницу людей; подойдя ближе, видим — публика не деревенская, скорее дачная; много женщин. Все с мешочками, портфелями, сумками — идут, очевидно, к дачному поезду. Да и действительно, начинаются окраинные дачи и парк Левашова. Местность знакомая мне еще со школьных лет… Проходим

старый парк и имение графов. Сейчас это — «колхоз». В «колхозе» работают мужики в солдатских, еще с великой войны, гимнастерках; таскают мешки с мукой. Лица их далеко не дышат энтузиазмом коллективного труда…

Вот и железная дорога на «Ленинград». Дачи, перелески…

Когда-то шестнадцатилетним юношей ходил я со школьным приятелем по этим же местам… Помню лето, знойное и пышное. Оба мы писали тогда стихи, и оба, как водится, были влюблены… Его «мечта», полненькая шатенка Зоя жила на Железнодорожной улице во втором этаже маленькой дачи. Приятель мой, как и полагается поэту-юноше, был идеалист; в лунные теплые ночи он играл на пианино, в истоме выбегал в сад, бросался в мокрую траву и стонал: «Зоя, Зоя!..» Как-то в черную ночь, закутавшись в плащи, с обязательным электрическим фонарем мы подкрались к ее даче, сняли с углового столба вывеску — «Железнодорожная улица» и на ее место прибили другую, заранее заготовленную: «Улица жизни», то есть улица Зои (Зоя по-гречески — жизнь).

Прошли годы… И вот по той же «улице жизни», но со смертью в портфелях и в карманах, пробираемся мы к «Ленинграду»…

На знакомой, но изрядно полинявшей, годами не ремонтированной и заплеванной станции в ожидании поезда довольно много народа — все в заплатанных, перелицованных платьишках, обыватели советские. Несколько военных. Молодежь пощелкивает шпорами из-под длинных шинелей и фланирует; бывшие «кадровые» хмуры и сдержанны — их сразу отличишь. Женщины бедно одеты, преобладает черный цвет. После Европы режут глаз старомодные фасоны.

Свистит и подходит поезд. Я во все всматриваюсь и нацеливаюсь. На платформу вместе с начальником станции выбегает в роскошной кавалерийской шинели агент железнодорожного отдела ГПУ. Мы очень довольны, что среди многочисленной станционной публики не выделяемся ни нашей одеждой, ни усталым видом. Никто не обращает здесь на нас никакого внимания. Не то что в деревнях…

За углом станции — торговец с ручной тележкой — предлагает сухие продукты и квас. У Димы разгораются глаза — он любит покушать и поглощает все, что угодно, в любое время и в любом количестве; никакие моральные потрясения не влияют на его аппетит.

Покупаем хлеб, колбасу и квас и, проводив поезд, направляемся по проселку к окраине Левашова, к знакомому мне еще с гимназических лет лесочку. В двух километрах от станции, в лесочке находим густую заросль елок и тропинку, идущую вдоль линии полуразрушенных окопов с проволокой, очевидно

построенных еще в 14-м году против немцев; сейчас эта «линия» предназначена для встречи «интервентов»… Среди мелких густых елочек — небольшая площадка, покрытая мхом. Эта заросль и будет нашей «базой» — исходным пунктом для предстоящей операции…

Расстилаем плащи и с наслаждением, протянув ноги, накидываемся на хлеб и колбасу. Слышится только хруст молодых, здоровых челюстей. Лица моих спутников розовеют, настроение поднимается — они как дома — начинаются шутки и беспечный смех.

После короткого отдыха предлагаю Диме отправиться со мной в «Ленинград» на «разведку». Сергей должен остаться в лесу с тяжелыми бомбами.

Сергею, судя по его виду, не особенно хочется оставаться одному; он, конечно, опасается, что мы оба «влипнем» сразу же в «Ленинграде», но Сережа уже успел проникнуться духом военной дисциплины и знает, что мы на войне, где приказания коротки, категоричны и не оспариваются.

Мы с Димой старательно чистимся, вытираемся, поправляем галстуки и воротнички и осматриваем критически друг друга. Мы налегке; у Димы «парабеллум» за поясом и «апельсин» (немецкая гранатка) в кармане, у меня в плаще браунинг.

Попрощавшись с Сергеем, идем к станции.

Погода теплая, воздух влажный, пахнет сосной и болотом. Вдали низким голосом свистит «русский» паровоз. Мы нажимаем… Но до станции еще с полверсты, а поезд уже показался, гремя буферами из-за леса…

Опоздали… До следующего поезда час с лишним. Подходим к опустевшей станции. Что делать, не торчать же идиотами час на пустой станции, привлекая внимание «начальства»… Осмотрелись. У станции трактир.

— Что же, пошли чайку попить?

— Идет!

В трактире на втором этаже деревянного дома на грязноватой веранде пьем чай с большим куском вкусного ситного. Из окон веранды видна станция, дачи и переезд со шлагбаумом. Говорим вполголоса, ибо за соседним столиком сидит какой-то тип в «коже» и подозрительно поглядывает на нас. «Кожа» вдруг поднялась и быстро ушла… Вижу из окна, как «кожа» быстро скрывается за зданием станции. Не проходит и двух минут, как из-за угла показывается отряд людей в длинных серых шинелях — человек десять, и быстрым шагом направляется прямо через переезд к нашему трактиру… Удивительно верное выражение: «душа в пятки»… Я действительно почувствовал, как что-то

оборвалось в груди и катится вниз… «Конец», — мелькает в мозгу…

— Знаешь, Дима, — говорю я из всех сил спокойно и твердо, — это за нами… Тип в «коже» донес… Не будем дожидаться финала… Как только они начнут подниматься по лестнице — бросим «апельсины», а потом, отстреливаясь, будем пробираться к лесу…

Дима кивком головы одобряет мой план. По его лицу не понять, испуган он или нет. Скорее — нет…

Сердце бьется, как пойманная птица…

Серая лента военных, по два в ряд, приблизилась к трактиру… Видим их торопливый шаг, различаем лица… Проходят мимо…

Теперь все ясно — это «генштабисты» идут в лес на занятия с планшетками, картами. Ведет их красивый, седой, высокий офицер с моложавым, энергичным лицом; по всему видно — «кадровый». Рядом с ним, забегая, лебезя и размахивая азартно руками, пристяжной, бежит маленький еврей в плохо пригнанной шинели и нелепо торчащей фуражке.

Мы пьем еще по огромной чашке чая и, когда остается пять минут до поезда, выходим.

Бодрое, воинственное настроение немного испорчено мнимыми чекистами…

Свистит поезд. Входим в станционный зал.

— Два жестких, Ленинград… — бросаю в окошко нарочно крупную бумажку, ибо не знаю цены билета; голосу придаю возможную небрежность завсегдатая.

Барышня в окошечке привычными движениями отсчитывает сдачу, не глядя на меня.

На платформе та же картина, что и утром: угрюмый советский обыватель, женщины, несколько военных, бравый чекист, выскакивающий, как кукушка в часах, к каждому поезду… Мы вполголоса советуемся с Димой, что будем делать, если в поезде проверяют бумаги.

— Ликвидируем без предупреждения проверяющих и соскочим на ходу с поезда… А там — в лес.

С Димитрием не страшно… Это — малый, в одиночку избивавший несколько хулиганов. Силы физической у него непочатый край, да и спокойствие завидное. Нервов у него, кажется, вовсе нет.

Длинные русские вагоны… Свисток, грохот колес… Мелькнули семафоры Левашова…

Вот мы и в советском поезде — окончательно в «стане врагов». Вагон третьего класса — «жесткий», как теперь зовут, —

обыкновенный грязноватый русский вагон с неудобными скамейками, прямыми спинками, маленькими буферными площадками, на коих теперь стоять «строго воспрещается». Прочитав эту надпись, мы быстро вошли в вагон, отнюдь не желая скандала с администрацией и предъявления бумаг в железнодорожном ГПУ.

«Жесткий» вагон был переполнен самой разнообразной публикой: тут и женщины, едущие на рынок, торговки, школьники, «совслужащие», «совбарышни», длиннополые «краскомы» с маленькими красными звездочками на околышах, с ромбами в петлицах и на обшлагах, подозрительные типы в кепках вроде нас с Димкой — все сидит вместе, тесно сжавшись, обезличенное стадо советское… Генерал, судя по трем квадратам на рукаве, «начдив» по должности и чин погранохраны, судя по верху зеленой фуражки, а по лицу — старенький кадровый офицер, сидит рядом с грязной, развязной рыночной торговкой.

В вагоне молчание, не то что прежде в русских поездах — общий разговор и шутки. Шуршат газеты в руках двух офицеров. Вижу, как они жадно читают: «События в Китае». Слышу голоса торговок, рассуждающих о ценах на морковь… Тишина… Публика советская ушла в себя, в свои тяжкие будничные заботы.

Есть в СССР, конечно, и «мягкие» вагоны, где нет, вероятно, ни тоскливых мыслей, ни рваных, перелицованных пальто…

И в поезде никто не обращает внимания на нас с Димой. Мы даже беседуем вполголоса. В окне мелькают знакомые с раннего детства — поля, парки, рощи, перелески. Поезд останавливается на промежуточных станциях, принимает новую публику и катит дальше, свистя таким забытым, милым свистом русского паровоза…

Полуразрушенные дачи, церковки без крестов, поваленные заборы… Лимонадные будки — эта обычная принадлежность пригородных дачных мест — заколочены. Обрывки старых афиш на заборах треплет ветер… Аллеи заросли высокой травой, парки и сады загажены, деревья поломаны…

Проверка билетов… Кондуктор приличен и вежлив. Мы косимся на дверь — не появятся ли проверяющие документы, но таковых, к нашему счастью, нет.

Как выяснилось позже, проверка документов была за одну станцию до Левашова. Проверка производилась одну неделю до Левашова, другую — после Левашова. Мы как раз попали в неделю, когда проверка была между «Песочной» (бывшей Графской) и Левашовом.

Вот и предместья «Ленинграда»: заводы, огороды, пустыри… Вот трамвай, идущий в Лесной… Тюрьма — с правой стороны; не

помню, была ли она здесь раньше или была здесь какая-то фабрика, приспособленная теперь для сей столь насущной для СССР цели. Во всяком случае, впечатление мрачное. Изгородь окружает весь тюремный квартал, по углам двора возвышаются вышки с часовыми. Маленькие решетчатые окна выходят на узкий, ясно видимый с поезда вымощенный булыжником тюремный двор…

Прогоняем мрачное впечатление. Мимо, мимо…

«Ленинград»… Вокзал «круговой дороги», бывший Финляндский. Большая толпа грохочет по дощатому полу платформы. Пробираемся и мы с Димой — два «белобандита», «белоэмигранта»…

У входной рогатки всматривается в гущу толпы чекист в форме; у него неумное и растерянное лицо. Благополучно прошли и мы с толпой мимо чекиста. Там, где раньше был буфет I и II класса, — надпись: «Дежурный агент Г.П.У.». Буквы как буквы, но долю опасения внушают…

Со ступенек вокзала жадными глазами смотрим на открывшийся перед нами новый мир. Волна душевного подъема, поглотившая сразу всю усталость дороги, мелкий заячий страх перед кондукторами, контролерами и чекистами, поднялась во мне.

Теперь уже ни шагу назад. Стало доминировать во всем существе нашем чувство дерзостной радостной отваги, чувство насмешки над окружающим нас миром «советчины».

Приятно, до сладострастия приятно сознавать себя в этом стане врагов, в этом мире Чеки корниловцем-первопоходником, офицером Марковской бригады…

Да, я смеюсь над вашими «комсвятынями», я плюю на них, хожу и буду ходить перед вашими чекистами и «мильтонами», как ни искусны вы в выслеживании ваших врагов…

И еще было радостное сознание от того, что — «корабли сожжены»…

Вот и первая «святыня»: статуя «Ильича» высится на площади перед вокзалом. На этом самом месте, с башни автоброневика, в 17-м году «Ильич» держал после выхода из пломбированного вагона свою первую речь к «революционному пролетариату». «Ильич» так и изображен на башне броневика. Надо признать, что скульптор бесподобно передал в литой меди маниакальный, волевой жест рукой и ненормально выдвинутый, дегенеративный череп Ленина.

На площади пустынно. Прохожие равнодушно проходят мимо медного «Ильича», как, впрочем, и перед привычными памятниками былого.

Перед вокзалом, на пустынном углу, установлен громкоговоритель. Не иначе как для поражения воображения приезжающих с двухчасовым поездом знатных иностранцев достижениями советской техники.

У нас минута замешательства: мы не знаем, куда и как ехать: трамваев что-то слишком много и все незнакомых нумераций… Пешком — далеко, а нам ведь надо действовать быстро и решительно и устроить, если удастся, сегодня же «тарарам». Надо в кратчайший срок осмотреть «подступы» к нескольким советским учреждениям, по адресам и по списку, данному мне за границей. «Пленум Ленинградского Совета», «Центральный Партклуб», «Школа интернациональных меньшинств», «Курсы безбожников», редакция «Ленинградской Правды», районные клубы, «Клуб Коминтерна»… Выбор большой.

— Извозчик!

— Куда прикажете?

— На Октябрьский проспект.

— Три рублика положите?

— Два хочешь?

— Что вы, господин, при такой-то цене на овес…

Три рубля за конец — сорок франков… Многовато, но торговаться не приходится. Пролетка избитая, обтрепанная, времен еще довоенных, вожжи и сбруя веревочные, лошаденка — совсем заморыш. И раньше ваньки петербургские не блистали роскошью Киева и Москвы, а уже «ленинградский» ванька совсем стал тощ, нищ и убог, как и его клячонка.

Литейный мост… Красавица Нева… Решетки густолиственного Летнего сада, горбатый мосточек Зимней канавки, Петропавловская крепость, Марсово поле, Адмиралтейство… Моя родина… Как передать моей неискусной в литературе рукой чувства, глубокие и волнующие, охватившие изголодавшуюся по Родине душу при виде красот родного Петербурга?

Вы поймете эти чувства, когда сами будете возвращаться на Родину как ее дети, со слезами счастья и радости, а не как «тать во нощи», с револьверами и бомбами за пазухой…

Езда по улицам очень редка, даже Невский, ныне Октябрьский проспект, пустынен; кое-где протрусит ванька, или мелькнет, подскакивая на ухабах по не чиненной годами мостовой, автомобиль советской знати. Простые и даже не совсем простые смертные довольствуются лишь трамваем.

Толпа на улицах, конечно, совсем другая, нежели раньше, но так же меняющаяся по часам дня; однотипное стадо — «совслужащих», рабочих, агентов ГПУ, проституток,

праздношатающихся комсомольцев и стайки различных бесчисленных провинциальных экскурсий, делегаций и представителей коммунистических и комсомольских групп национальных меньшинств. Вся эта многотысячная орда русской, китайской, корейской, башкирской и иной «шпаны» гранит тротуары, затрагивает женщин, скалит зубы, ест и пьет и пользуется так называемой «жилплощадью» за счет «народа-богоносца».

«Ленинград» — город бесчисленных учреждений, организаций, школ — политических, военных и иных.

Наряду с «кудлатыми», вечно куда-то спешащими «марксистами» с набитыми портфелями — типами совершенно чуждыми городам Европы, — в толпе не мало и военных, хорошо выправленных, с лицами русскими — открытыми и честными. Встречаются и выделяются светлым пятном интеллигентные лица инженеров и техников в дореволюционных фуражках с молоточками.

Вот ведут арестованного: два конвойных, с обнаженными саблями по бокам; арестованный с лицом до смерти перепуганным и бледным поворачивается с какими-то разъяснениями то к одному, то к другому конвойному.

Кто он? Нэпман ли? частник ли? или «белобандит», как и мы? Безгласны и немы лица конвойных. Маски — лик ГПУ… Но мимо, мимо…

Чем ближе к центру, тем чище улицы и дома, но Окружной суд — все те же развалины. Одно из реальных «достижений» «великой, бескровной»…

Слезаем с извозчика у бывшего магазина Главного Штаба. Там и теперь военный магазин. Входим в Александровский сад; купив у ворот несколько газет, усаживаемся на первой же скамье и ищем отдел коммунистических собраний на сегодняшний вечер…

Уже три часа. Мы с Димой должны осмотреть несколько учреждений, купить провизию, вернуться в Левашово, поесть, захватить портфели с тяжелыми бомбами и снова приехать в «Ленинград». Наш проводник обещал ждать нас до 12 часов сегодняшней ночи на условленном перекрестке. Надо форсировать события, чтобы не опоздать к свиданию с проводником, да и кроме того, сегодня пятница; в субботу же и в воскресенье никаких собраний у большевиков не бывает, так как вся знатная «советчина» проводит время на дачах. Нам дорог поэтому буквально каждый час.

— Надо обязательно сегодня же вечером, — говорю я Диме.

Я далеко не был уверен, что смогу благополучно выйти на

границу без проводника.

В ворота сада входит важная самодовольная фигура. Видимо, чекист — хромовые сапоги, великолепное «галифе», мятая фуражка под кавалерийский образец, новый ремень через плечо, браунинг в щегольской кобуре.

— Гм… — мычит Дима, — а что, если…

— Не горячись, успеешь еще…

Хромовые сапоги беспечно продефилировали мимо нас.

В «Красной Газете», на последней странице, мелким шрифтом написано: «В пятницу, в 8 ч. 30 мин., Центр. Партклуб. Заседание по переподготовке деревенских пропагандистов. Вызываются товарищи: Пельше, Ямпольский, Раппопорт…» и т. д.

Дело кажется мне подходящим. Да ведь я, собственно, один и решаю: Димка — орган в этих вопросах лишь совещательный.

Идем на Мойку осмотреть Центральный Партийный Клуб. Идем по Гороховой, мимо знаменитого дома № 2 — ленинградское ГПУ. Над зданием — выцветший красный флаг. Мимо ворот все же не проходим из осторожности, а переходим на другую сторону улицы… Угол бывшей улицы Гоголя и Гороховой… Заходим в гастрономический магазин. Покупаем несколько коробок консервов и две бутылки зубровки для поддержания сил и нервов. Приказчики вежливы и предупредительны: кланяются и провожают до двери. Покупка вышла дорогой, но не нам же соблюдать экономию…

На следующем углу сидит у своего ящичка чистильщик сапог. Решаем почистить наши рыжие сапоги. Моя чистка проходит благополучно, Дима же пережил минуты, подобные в трактире Левашова. Только что переставил он сапог, чувствует, как кто-то сзади подошел к нему и остановился. Димка скосил глаз (я в это время зашел в оптический магазин купить компас) и, о ужас: видит белую гимнастерку и красный околыш… Милиционер… Только Димкино спокойствие спасло его; человек с другими нервами или побежал бы, или начал бы стрелять в милиционера. А «мильтон» всего лишь ждал своей очереди чистить сапоги…

Я купил за два рубля плохонький компас и, пройдя по Морской, на условленном углу встретился с Димой. Тут он мне и рассказал про свои страхи, только что пережитые.

Подошли к особняку на Мойке. Осмотрели массивную тяжелую парадную дверь с красующейся на небольшом картоне надписью «Центральный Партийный Клуб и А.П.О.Л.К.» («Агитационный пролетарский отдел ленинградской коммуны»). У двери — никого. Прямо перед домом — набережная Мойки; налево, если стать спиной к подъезду, через несколько домов — Невский проспект; направо, кажется, через один или два дома —

Кирпичный переулок, перпендикулярный к набережной Мойки.

Я оцениваю местность и нахожу, что довольно удобно, после «тарарама» в клубе, выскочить на улицу и взять курс на Кирпичный переулок. Мойка, впрочем, сильно ограничивает возможность бегства.

Походив немного перед подъездом, пошли по Невскому к Клубу Коминтерна, что на Фонтанке у Аничкова моста. В этот день должен был быть в зале клуба, судя по газетам, вечер комсомола.

Оставив Диму на улице, я потолкался с деловым видом в прихожей клуба, понюхал воздух и вернулся. То, что я увидел в прихожей, мне не понравилось: толпится все молодежь, безусая, серая. Ведь не для того мы пробирались сюда, чтобы сводить счеты с этой заблудившейся в советских потемках молодежью… Мысль вновь возвратилась к Центральному Партклубу, к заседанию «переподготовки деревенских пропагандистов», и, так как на осмотр других «подходящих мест» времени у нас уже не оставалось, я решил почтить своим присутствием сегодня вечером Центральный Партклуб.

С этим твердым решением мы наняли на бывшем Владимирском проспекте ваньку и покатили на «Круговой» вокзал. Через полчаса поезд вез нас к «базе» и оставленному в полном одиночестве Сергею.

Вагон наш, когда мы в него вошли, был почти пустой, но вскоре, на одной из первых же станций, к нам подсел человек в прорезиненном пальто, в военной фуражке с большим козырьком и маленькой красной звездочкой на околыше. Уселся он против нас и вперился в меня тяжелым, неподвижным взглядом тускло-холодных глаз очковой змеи. Стало не по себе. Я закрылся «Красной Газетой», Дима — «Ленинградской Правдой». Когда я украдкой взглянул из-за газеты на нашего vis-a-vis — он продолжал гипнотизировать меня… На одной из станций «некто в сером» встал и вышел. Начались довольно неприятные минуты ожидания… Но, слава богу, слышим свисток паровоза; поезд тронулся дальше. Возможная беда вновь миновала…

Вот и Левашово. Вот и наш лесок. У оврага свертываем вправо и, пройдя по лесной дорожке, свистим; раздается ответный свист; раздвигается еловая чаща, показывается Сергей.

— Ну как?

— Все благополучно.

— Я уж не думал, что вы вернетесь. Тоска была у меня тут изрядная… А тут еще какая-то старушенция вздумала собирать хворост возле «базы»… Черт его знает, что делать: не то «гробить», не то нет…

Через час идет поезд на «Ленинград». Надо быстро закусить и снаряжаться в дорогу. Ложимся в кружок, финским ножом вскрываем осетрину и бутылку зубровки. От усталости и голода зубровка действует быстро. Подъем и готовность разгромить бомбами всех коммунистов на свете растут. Время, однако, сильно бежит. Часы показывают 7 вечера, в 7 ч. 25 мин. поезд, 8 ч. 10 мин. — «Ленинград», 8 ч. 50 мин. — Партклуб, в 9 час 40 мин. — вокзал «Круговой»…

Пора в поход…

Проверяем тяжелые гранаты с запалами гремучей ртути и бережно укладываем их в портфель, ставя на одном только предохранителе. В кратких чертах объясняю молодежи мой план:

— Быстро входим в подъезд клуба и стремимся к лестнице; если не пускают — Димитрий устраняет непускающих: бьет по черепу. По возможности без выстрела надо проникнуть в зал. Сергей и Димитрий кидают бомбы. Сергей одну, Димитрий две.

Я прикрываю затем общий отход разбитием двух склянок с жидкостью, мгновенно обращающейся в удушливый газ.

После этого кидаемся на улицу, сворачиваем в Кирпичный переулок и, действуя сообразно обстановке, но по возможности вместе, добираемся до вокзала, к поезду 9 часов 40 минут.

Если кого-либо в поезде не окажется, ждем его в «базе» еще час до прихода поезда 10 часов 35 минут. После этого ставим на отставшем крест и быстро уходим на границу.

Вот и весь план. Рассчитан он на дерзость и быстроту.

Наше вооружение и снаряжение — основательно: на животе, за поясом у меня маузер с патроном в стволе и с полной обоймой, в кармане плаща — браунинг, в заднем кармане брюк — немецкая бомбочка — «апельсин», в боковых карманах френча — флакончики с газами, в часовом кармашке — порция циана. Мои друзья не имеют газов, и у них по одному револьверу, но зато у них по два «апельсина» и в портфелях тяжелые бомбы системы Новицкого.

Весь боевой арсенал скрыт, кажется, довольно искусно — мы затянуты, застегнуты и тщательно осмотрены друг другом…

Деньги в иностранной валюте зарываем в мох, ибо кто знает, не будет ли валюта лишним свидетельством на наших трупах… Прячем и провизию — на случай обратной дороги…

Делаем из бутылки с зубровкой по последнему глотку…

— Ну, в путь…

Твердым шагом идем к вокзалу.

Вдруг… проклятье!.. Поезд уже дымит белым облаком из-за леса и свистит… Бежим несколько минут, потом как-то одновременно, поняв безнадежность бега, — останавливаемся и

смотрим друг на друга.

Слышен прощальный свисток и учащающийся стук колес…

— Ушел, проклятый!

Поворачиваем уныло в свое логово. Экая досадная «неувязка» с часами!..

На душе какое-то сложное переживание: с одной стороны, радостное сознание, что еще двое суток оттянуты у смерти (ибо в субботу и воскресенье никаких собраний у коммунистов нет), с другой стороны — эта оттяжка вызывает настроение, схожее с настроением висельника, получившего краткую отсрочку… В его мыслях все-таки виселица, как неизбежный конец. Взрыв Партклуба тоже неизбежный конец для нас…

И как странно — ничто ведь не мешало нам сегодня же, не исполнив своей задачи, вернуться через границу, но… Конечно, от такого отступления нас удерживала честь… И не только меня — офицера — удерживала она от отступления, но и двух юношей, прославившихся пока лишь своим «лихим» поведением в нашем городе, изгнанных за оное из гимназии и вообще лишенных какого-либо воспитания в свои юношеские годы.

Слово «назад» для нас не существовало, покуда не выполнена до конца цель нашей боевой вылазки…

Холодок берет при мысли, что наш проводник, ожидающий на условленном перекрестке лесных дорог, между 12 часами и 1 часом, в ночь с пятницы на субботу, уйдет, не дождавшись нас. Рвется последняя ниточка нашей связи с Западом…

Опять «дома». Темно и неуютно в нашем логовище. Настилаем целую груду еловых веток, расстилаем плащи. Димитрий укладывает портфель с бомбами под изголовье и на предупреждение Сергея о возможности нечаянного ночью толчка и спуска предохранителя смеется:

— Пренебреги, Сережка, все равно ничего не услышишь!

Накрапывает дождь, усиливается и частит без конца. Холодные капли одна за другой просачиваются за воротник, в рукава, во все щели.

Безмолвие, мрак, застывший над лесом, жуткие мысли, спутанные в мучительный клубок, и тяжелый полусон…

Рассуждая логически, нам следовало бы по очереди дежурить, но мои спутники так молоды, так редко задумываются, так беззаботно вошли в трагическую роль, уготованную им судьбой, что я уверен заранее в бесполезности попыток организации дежурств. Вот я один и слушаю все лесные шорохи, а они — беззаботно храпят здоровым сном молодости… Они свободны от предрассудков и понятий военной службы…

На рассвете очень холодно.

Капельки дождя повисли бриллиантами на еловых ветках. Вдали слышны удары топора, лай собак, свистки маневрирующего паровоза и колокольцы коровьего стада. Зубы лязгают и отбивают барабанную Дробь. Вливаю в себя струю оставшейся вчера водки. Делается немного теплее. Друзья тоже просыпаются. Дима сразу ищет колбасу и водку и нещадно ругает Сергея за то, что тот ночью натягивал все время плащ Димы на себя и втирался в самую середку… Сергей озабоченно наблюдает, чтобы Димитрий не «выдул всю водку», и напевает «Кирпичики»… Можно думать, глядя на них, что они в своей комнатке в Г., а не в лесной берлоге в стане врагов. Вряд ли задумываются они долго над тем, что один жест, один неловкий шаг, и от нас останутся лишь оторванные руки и ноги…

— «После Смольного, житья вольного…» — подпевает Дима.

Счастливый характер…

Скучно в лесу. Хочу погулять в «Ленинграде», да и за провиантом надо съездить, поэтому снаряжаюсь в город. Диме и Сереже дается задача охранять «базу». Надеваю все самое лучшее, что есть на всех троих, сую браунинг в карман и, попрощавшись, выхожу из леса на дорогу. Хочется «одиночества»…

Иду по знакомой дороге к станции. Справа на болоте пасутся коровы. Звон их колокольчиков, лесная тишь, аромат сосны и болота — будят в душе тихую грусть, вызывают забытые образы, отцветшие воспоминания, связанные с этими лесами, с вечной зеленью хвои, бездонностью лесного озера, запахом вереска… Плывет обрывок когда-то читанного стиха:

Не вернуться, не взглянуть назад…

Нет, не надо… Мимо, мимо воспоминания… Сегодня бой… и вечный бой.

Покой нам только снится…

Вот десятки тысяч замученных в Крыму… Бела Кун, Саенко… Харьков — Киев— Лубянка… Гороховая, № 2… Русские женщины и девушки во власти палача, поруганные, оплеванные под сапогом «пришедшего хама»… Духонин, епископ Вениамин, седенький священник кубанской станицы, замученный на навозной свалке, и те святые, имя коих — легион, что, стоя перед дулом палача, кричали:

— Да здравствует Россия!..

Да здравствует Россия! — ведь выше этого — подвига нет…

* * *

В поезде чувствую себя уверенно и свободно — одним словом, «обнаглел». Но все же не вынимаю руку из кармана, ощущая холодок никелированного металла и кнопочку рычажка — на «огонь»…

В зале «Кругового» вокзала, не торопясь, изучал расписание поездов, взял в кассе обратный билет и, посвистывая, совсем в «прогулочном» настроении, вышел на лестницу вокзала, постоял, подумал: не заехать ли к одной из друзей детства, махнул рукой и с тем же ощущением свободы, легкости и желанием глумиться над советчиной нырнул в толпу.

Первое — в парикмахерскую. Зеркала отражают обветренное, загорелое, небритое лицо бандита — что ж, такова профессия!.. Но невыгодность подобной внешности сказывается резким отличием от лиц «совслужащих» и краскомов, наполнявших парикмахерскую; их лица «ленинградской бледности» не тронуты еще загаром… Пахнет пудрой и бриолином. Как и во всех парикмахерских мира, вежлив, предупредителен и подобострастен парикмахер. Насмешкой выглядят загаженные мухами надписи: «На чай не берут»…

Вышел я из парикмахерской совсем советским денди: пробор блестит, на чисто выбритом лице — тонкий слой пудры, сапоги хранят еще следы вчерашней чистки — ночной дождь их пощадил; рваные «галифе» скрыты новеньким плащом Димы. В довершение — лучшая из наших трех кепок была на мне, сей удобный нивелирующий головной убор пролетария.

Неторопливой походкой шагаю по Петербургской стороне к Васильевскому острову, вглядываясь в лица всех встречных, все время желая прочесть что-то для меня неведомое… Напрасно. Нет в толпе интересных лиц: все плоско, бледно — сплошная окраина заводского района. Фабричные заставы поглотили град Петра, и серая фабричная толпа, разбавленная советскими мещанами всех рангов, военными, инородцами — мутной, будничной хмарой расползлась по гордой, блестящей некогда столице… Редки интеллигентные и красивые лица; особенно у женщин… Революция и коммунизм не придали их лицам красоты, фигурам — изящества… Конечно, есть и меха, и наряды, но это единицы среди моря платочков, стоптанных каблучков, штопаных черных чулок, устарелых мод…

На оживленных местах стоят вереницы торговцев с лотков, на перекрестках — дощатые ларьки с семечками, с квасом. На улицах — чуть в сторону от главных артерий — сор, грязь. Серый город, серая толпа…

Молодой, лет двадцати трех, комполка, судя по четырем ромбам на рукаве, сидит на тумбе, в ожидании трамвая, и никого

его поза не удивляет.

На углу, около мануфактурной лавки, очередь, человек в сорок.

— Мануфактурный голод, товарищи, объясняется рядом неувязок, — скороговоркой сыплет соседям по очереди молодой, прыщавый, испитой человек в коротких брючках.

Еду трамваем к Невскому — «Октябрьскому»… На Невском та же толпа с большей лишь примесью служилого элемента. На главных улицах и у входов в рестораны и пивные выделяются высокие люди с военной выправкой, в кубанках или полувоенных кепи, в высоких сапогах — они топчутся без дела и не знают, куда девать руки… Знакомые фигуры… Раньше, бывало, появлялись они, неизменно в калошах во всякую погоду, перед проездом высоких особ, теперь они все время шныряют в толпе. К счастью, верна пословица: «Бодливой корове Бог рог не дает», — на лице такого молодца только что не написано: «чекист».

Рука в кармане все время ощущает кнопочку браунинга — «огонь», успокаивая нервы… При встрече с подозрительными лицами неторопливо перехожу на другую сторону или останавливаюсь с внимательным видом перед витриной, благоговейно рассматривая надоевший череп лысого Ильича, усы Буденного или вдумчивое, симпатичное лицо Фрунзе…

Я слышал, что чекисты не раз платились жизнью при арестах на улице выслеженных ими белых, поэтому теперь они стараются напасть неожиданно, создав вокруг своей жертвы давку. Всякой давки поэтому я старательно избегаю…

Хочется есть и пить. Захожу в полуподвальную пивную. Сосиски и пиво «Красная Бавария» очень недурны. В толпе, наводнившей пивную, немало пьяных и подозрительных лиц. Лакеи охотно берут на чай и не титулуют «товарищем». И здесь висит доска: «На чай не берут».

Выйдя из пивной, иду дальше по «Октябрьскому»… Редакция «Правды»… Захожу с торопливым, деловым видом, осматриваюсь — как будто кого-то ищу, на самом же деле соображаю, стоит ли кинуть тут бомбу и разбить газовый баллон. Решаю, что не подходящее дело. Целые ряды «совбарышень» за машинками да несколько мужчин интеллигентного вида — старые спецы — ныне бутербродные спутники соввласти… Залить эти комнаты кровью… Хотя и звучит громко: «Редакция „Ленинградской Правды“», но… против женщин никогда не поднималась моя рука, даже на коммунисток — в былые годы гражданской войны…

После редакции «Ленинградской Правды» зашел на телефонную станцию на Мокрой улице. Хоть там и сидели три

чекиста в форме, взял книгу телефонных абонентов, перелистал ее, ища фамилии былых друзей и знакомых. Книга, конечно, значительно изменила свое содержание. Справился о Борисе Израилевиче Раппопорте — моем хорошем друге еще по М-ой петроградской гимназии, ставшем теперь видным коммунистом. Б. И. Раппопорта не нашел, ибо там, где раньше было три абонента с фамилией Раппопорт, — теперь оказалось 42 страницы Раппопортов и при этом ни одного Израилевича, а все Николаевичи, Ивановичи и т. д.

Пофланировав еще немного по Невскому, на углу Литейного сел в трамвай и прошел на переднюю площадку…

Тут и разыгралось происшествие, чуть было не сорвавшее всю вылазку в «Ленинград».

— Ваш билет? — раздается голос из двери вагона.

Я обернулся, вижу — контролер.

Протягиваю ему серебряный двугривенный. Не хочет брать.

— Вы мимо кондуктора проходили?

— Проходил.

— Почему же у вас нет билета?

Я почувствовал, как от сердца что-то покатилось вниз. В уме мелькнуло: «Кончено, и как глупо»…

Рядом со мною на площадке стоит милиционер и вслушивается в разговор…

«Ну, — думаю, — сейчас остановят трамвай, протокол, участок, требование бумаг… Но до участка — стрельба в невинного „мильтона“, пуля себе в лоб и т. д.»

— Дело в том, товарищ, — вежливо и спокойно говорю я, — что я только что приехал из провинции и не знаю ваших правил, что надо платить, проходя мимо кондуктора.

— А откуда вы приехали?

О ужас! Все названия подходящих городов вылетели из головы. Почему-то мелькнула Калуга, но я не знал, подходит ли она к вокзалу, от которого идет трамвай…

— Я только что с Октябрьского вокзала…

Милиционер всмотрелся в меня внимательным, острым взглядом, напомнившим мне взгляд чекиста в поезде, подумал, нерешительно взял двугривенный, передал его кондуктору и строго сказал:

— Смотрите, товарищ, не проходите в следующий раз мимо кондуктора…

Я пробормотал нечто вроде:

— Так точно, слушаюсь, товарищ…

Все обошлось благополучно… Огромный камень свалился с плеч… Вероятно, благодаря новому плащу Димы контролер

решил, что хорошо одетый «гражданин» не может быть «зайцем», и поверил моему объяснению. Оставаться на площадке рядом с «мильтоном» показалось мне, однако, не совсем покойным, и я слез на первой же остановке, решив, что путь пешком куда безопаснее.

Прогулка по «Ленинграду» после трамвайного происшествия утратила свою прелесть, и мне захотелось под уютный кров сосен и елей…

В вагоне ехала хорошенькая блондинка, скромно одетая во все черное; ее интеллигентное миловидное личико было печально «усталостью навсегда»… Я почувствовал ясно, что она «наша», а не «кремлевская», и мне захотелось с ней заговорить… Но девушка с явной неприязнью отводила свой взгляд, принимая меня, вероятно, по обличию за правоверного чекиста…

В Левашове я радостно встретил друзей. Мы с аппетитом поели — колбасу, хлеб и консервы, выпили зубровки… за здоровье товарищей…

Ночь на воскресенье прошла спокойно, но рано утром до нашего укрытия донеслись какие-то крики, голоса, ауканье. Голоса приближались, все это были мужские голоса, и слышались они то справа, то слева, потом, приблизившись так, что мы стали различать сквозь ветки фигуры людей, начали отдаляться. Это какая-то компания комдачников собирала сморчки.

После утреннего завтрака остатками вчерашней провизии стали вырабатывать программу воскресного дня. Сергей взмолился взять его в «Ленинград»:

— Ведь я ни разу не видел Питера, дайте мне хоть раз взглянуть на него перед смертью…

Пришлось уступить, хотя Сергей и не подходил всем своим обликом для «Ленинграда» (уж слишком он «подозрительно» был одет, и весь его вид мог легко привлечь внимание угрозыска), но, с другой стороны, надо было, чтобы Сергей хоть немного присмотрелся к городу и освоился в толпе — ведь завтра нам предстояло…

Почистились, как можно тщательнее. Бомбы, баллоны с газом и мой маузер зарыли в мох. Завязали друг другу смятые уже в жгут галстуки и зашагали налегке в очень хорошем настроении…

Праздничный Питер был еще неприветливее делового, будничного. Больше было пролетариев на улицах, масса пьяных, еще больше мелкой, уличной торговли, семечек, грязи, открытых темных пивных, бесцельного шарканья по панелям…

Мы доехали трамваем до Октябрьской площади, посмотрели тяжелую статую «мужицкого царя», прочитали гнусную надпись, выбитую в дни революции на пьедестале памятника. Затем пошли

вниз по Невскому. Свернули в Гостиный двор. Знакомый ряд Гостиного двора под каменными сводами… Кто из петербуржцев не помнит веселой сутолоки и движения, бывшего здесь? Теперь — пустыня. Против Гостиного у тротуара стоят пять-шесть облупленных такси. Магазины, как и по всему городу, — пусты. В витринах — два-три отреза материи да пара чулок. Богаче других шапочные магазины; здесь большой выбор всевозможных кепок вплоть до красной фуражки с маленькой звездочкой на околыше — «красногусарская». Преобладают лавочки с восточными сладостями. Книжные магазины завалены марксистской и ленинской макулатурой и огромными портретами «вождей». При взгляде на Ленина каждый раз вспоминаю глупый стишок:

Не хвались ты сгоряча,
Что похож на Ильича…

Самые крупные магазины, как, например, бывший «Александр» на Невском, продают редкие и более или менее ценные безделушки, по несколько раз перепроданные и переукраденные с «великого» Октября. Тут уж, подлинно, каждая вещь имеет свою историю, и часто кровавую…

Гостинодворская публика почище прочей городской: здесь много жен и содержанок совбар. Они щеголяют короткими юбочками, парижскими чулками…

В простенках ниш, у витрин, лежат, сидят и стоят нищие — их сотни тут. Это новое сословие, новый народившийся класс. Тут же молодец — косая сажень в плечах — безработный. Старенький священник, без прихода, в поношенной рясе… Седая, интеллигентная дама поет по-французски старинные романсы… Тут же корчащееся в страшных конвульсиях, полуголое существо на панели, дико воющее и кричащее… Лицо дамы скорбно, но спокойно, как гипсовая маска. Мы несколько минут наблюдаем за ней. В ее черную шляпку сыплется дождь серебра — очевидно, немало в толпе сочувствующих прошлому, которое олицетворяет эта женщина. А может быть, кому-то стыдно за свое сегодняшнее благополучие, украденное у таких, как эта дама…

Я решил соединить в сегодняшней прогулке по «Ленинграду» приятное с полезным. По «Красной Газете» судя, завтра, в понедельник, состоится собрание «Пленума Ленинградского Совета» по вопросу о «снижении цен»… Приглашаются представители профсоюзов, комсомола, красной армии, ОГПУ и всех парторганизаций… Собрание состоится в здании бывшей оперы Народного Дома, ныне — кино «Великан». Нелишне

ознакомиться с кино «Великан», разведать выходы, расположение помещений и пр.

Идем мимо Зимнего Дворца, Александровской колонны, Адмиралтейства…

Смотрю на окна той квартиры, где я жил когда-то. Вспоминаю юнкерские караулы в осиротевшем Зимнем, эпоху бестолковой «керенщины» и темные снежные октябрьские вечера, вдохновившие Блока:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер —
На всем Божьем свете.

Решетки Зимнего Дворца — нет. Ее сняли советские умники и огородили ею пустырь за какой-то заставой… Дворцовый мост все тот же, деревянный, в ямах и выбоинах, опасный для движения еще с 1905 года. Красавица Нева осталась прежней. После Шпрее, после Сены, как ласкает глаз ее свинцовый простор, ее скованная гранитом ширь и мощь! Как сказочно красив вид на столицу Петра с Биржевого моста… Действительно — город по красоте только Константинополю равный.

Нева пустынна: ни бойких синих «финляндских», ни зеленых «шитовских» пароходов, ни вереницы тупорылых арок с Ладоги, ни «поплавков» у Летнего сада… Сирены и гудки, переливчатые разноцветные огни по вечерам на пароходах — как все это оживляло Неву, столь уныло теперь плещущую волну о гранит «дворцов и башен»…

Люблю тебя, Петра творение,
Люблю твой стройный, строгий вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит…

Лютая злоба кипит в душе и рвется наружу: здесь, перед Медным Всадником, вздыбившим гордого коня, над украденным у него городом, произнести клятву борьбы, клятву священной мести!..

Над лысым черепом проклятого разложившегося мертвеца, опоганившего святое имя родного города, подписавшего своими скрюченными пальцами подлейший в истории мира приговор Ипатьевского подвала…

Смерть им, смерть этим гадам интернационала, ибо всякий,

носящий кличку «коммунист», *ответствен* за кровь Ипатьевского подвала, *виновен* в миллионах других убийств, в осквернении души русского народа, *виновен* в создании той бездны позора, лжи, грязи и крови, куда рухнула Родная земля.

Господь! успокой меня смертью
Или благослови
Ударить в набаты крови!..

Мои спутники испытывают, по-видимому, такое же настроение. Инстинктом, русским сердцем своим чуют они то великое зло, что терзает нашу Родину. Оба они, никогда не принадлежавшие ни к каким партиям, готовы по зову своей совести на бескорыстную жертву, на подвиг, во имя двух простых слов: «Родина и Честь». С этим ощущением себя и Родины они родились, без этого они не могут жить…

Одиночество резко ощущается в центре города-муравейника: ведь каждый встречный — возможный враг. Одни лишь памятники старины — наши союзники и единомышленники… Они, так же как и мы, чужды и враждебны окружающему…

Встречаем шествие: под сеткой холодного, мелкого дождя, под серым питерским небом, бесконечной, плохо выровненной колонной идут сотни девушек и юношей. Эллинское шествие… Они полуголы, промокли, дрожат и, вероятно, голодны. Над головами их печально поникли красные знамена и плакаты с совершенно нелепыми надписями: «Строим новую жизнь!», «Пролетарии, на солнце!», «Да здравствует физкультура!»… Впереди и где-то сзади гремит медь нестройных оркестров… Публика на тротуарах безучастно глазеет на нелепое шествие. Кто-то позади нас хихикает…

Подходим к кино. Хотим взять билеты.

Я подхожу к кассе.

— Три билета, гражданин!

— А вы, товарищи, текстильщики?

— Нет.

— Ну, так сегодня гуляние текстильщиков; посторонним билеты не продаются…

От ворот — поворот…

Углубляемся в лабиринт узеньких, грязных улиц, минуем какой-то подозрительный базар с толкучкой, заходим в темные, вонючие пивные, повсюду наблюдаем жизнь советскую…

Масса пьяных… У кабака обычная русская картина: какой-то пропойца тянет женину шаль на предмет пропития, а она, растрепанная и растерзанная, вырывает конец шали, плачет и

голосит на всю улицу. Разыгрывается почти драка, но публика вокруг безучастна — видно, привыкла к подобным зрелищам.

В одной пивной какой-то оборванец — «пьяный в доску», по выражению Димы — произносит длинную, но довольно бессвязную речь, составленную из отборнейшей ругани по адресу коммунистов и советского правительства. Мы, спросив чая, слушаем, не без удовольствия, «оратора», но вскоре, сообразив, что из-за такой речи может быть и скандал с протоколом и записыванием свидетелей, быстро расплачиваемся и уходим.

До позднего часа бродим по мокрым от дождя панелям. Тусклые фонари отсвечивают искрами в лужах. Темно… Снопы яркого света только у клубов, пивных и кино.

Заходим в большое ярко освещенное кино на углу Невского и Владимирского. Вестибюль переполнен публикой довольно непролетарского вида. На нас — людей пролетарского вида — все смотрят, и я чувствую, что мы, и особенно Сергей, вероятно, подозрительны для такого шикарного кино. Рассматриваю себя в большом зеркале. Ничего; во всяком случае, лицо спокойное. А это сейчас поважнее костюма… Рады, когда нас проводят, наконец, на места и тушат свет. Идет фильм из жизни аристократов, миллионеров и элегантных преступников…

Около полуночи — домой, в наш лес…

Неуютно и сумрачно на душе. Друзья мои тоже идут молча, и я чувствую, как невеселы и их думы. Глух и неприветлив черный лес… У перекрестка лесных дорог слышим осторожный слабый свист…

— Тише!

Переглядываемся, выхватываем револьверы, патроны в ствол и, осторожно разойдясь цепочкой, всматриваемся в темноту и крадемся вперед… Свист повторяется, но уже где-то дальше… Вот и убежище наше — как будто все благополучно: портфели с бомбами и маузер на месте. Все как было; мох не тронут. Но нервы натянуты, воображение рисует картину, как чекисты в длинных серых шинелях окружили лес и ждут, пока мы заснем, чтобы взять живыми.

Свист повторяется опять. Я чувствую, что спать нельзя, пока не выясню, что это за свист в лесу. Беру маузер и осторожно, стараясь не ступать на сучки, крадусь на свист. Через пять минут, впрочем, я вернулся: это свистела какая-то ночная птица…

Ложимся на холодный, мокрый мох…

Мне не спится. То грезится жуткий, серый, заплеванный город, то носятся тени прошлых боев, то мысль плывет к оставленным близким, то сердце начинает тревожно и часто колотиться при мысли о завтрашнем дне и ясно встает в

воображении — тяжелая зеркальная дверь с медной ручкой и надписью на картоне: «Ц.П.К. и А.П.О.Л.К.»… Завтра, в понедельник, опять вызываются товарищи: Пельше, Ямпольский, Раппопорт и т. д. … на совещание в Центральный Партийный Клуб «о подготовке деревенских пропагандистов»…

Туда заглянем и мы, впрочем, без вызова и приглашения…

Утро особенно холодное… Я дрожу и с удивлением смотрю, как Димитрий и Сергей с хрустом едят чайную колбасу и воюют из-за последнего глотка коньяку… Я нервничаю, и мне не до еды…

— Пора, — говорю я, — едемте раньше, побудем лучше в городе, а то опять, чего доброго, опоздаем!

Начинаем снаряжаться. Я порядком боюсь за «газы» в боковых карманах моего френча: все время приходится о них думать, ведь стеклянные стенки баллонов не толще электрической лампочки…

Мой собеседник по вагону — ленинградский студент. Он рассказывает мне интересные вещи. Был он недавно в Москве и «поклонялся» мощам Ильича. Студент описывает, как публику пропускают поодиночке, под раздевающими донага, до мысли, взглядами чекистов. Сам «Ильич», по его мнению, давно сгнил, и вместо него лежит в гробу восковая кукла.

Не менее красочно описывает он последний парад на площади Зимнего Дворца. Трибуну для президиума исполкома и московских гостей поставили прямо перед колонной с благословляющим Ангелом. Какой-то советский умник решил, что неудобно Ангелу, да еще крестом благословлять советскую знать, и после долгих совещаний решено было накинуть при помощи воздушного шара на ангела колпак. Шар летал над Ангелом целый день, к величайшему восторгу тысячной толпы. Колпак, спущенный с шара на веревке, неизменно проплывал мимо Ангела: то шар относило ветром, то колпак. Толпа хохотала. Так ничего и не вышло.

Завел я разговор на тему об антисемитизме среди комсомола. Студент поддержал эту тему.

— На днях, — рассказал он, — одновременно со мной зашли в еврейскую булочную четверо комсомольцев и комсомолка, посмотрели на продавцов и вдруг громко на всю булочную заявили: «Фу, черт, и здесь жиды! Гайда назад, товарищи!»

Говорил он и о том, что чья-то невидимая рука то здесь, то там пишет на заборах и в уборных популярный в низах СССР лозунг: «Бей жидов — спасай Россию!»…

Перекинул я разговор на жизнь советской верхушки, об оппозиции, о Троцком. Собеседник, видимо, плохо в этом разбирался, да и не интересовался этой высокой материей:

— Ну, это их внутренние дела. Нам не до того…

Днем я пошел в Казанский собор, перед гробом Кутузова преклонил колено, поставил свечку павшим за Россию и долго думал в тихом, озаренном огоньками полумраке…

Какие-то сморщенные горем черные женщины бились головой о каменные плиты… И еще и еще женщины со скорбными лицами подходили со свечками к озаренному Лику… Что же, я знаю ведь, за кого и за что они молятся…

Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое…

У гробницы фельдмаршала Кутузова серыми тенями никнут знамена. Эхо осторожных шагов нарушает тишину.

Одни лампады во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады…

Я вышел на ступеньки собора со светлым чувством принятого причастия…

В тот же день я обследовал еще раз театр предстоящих действий и сделал важное открытие: в одном из соседних с Партклубом домов есть проходной, очень извилистый двор с Мойки на Большую Морскую. Это открывает новый — более выгодный — путь отступления.

Надо было действовать теперь же: мы и так пропустили зря несколько дней. Деньги почти кончались: разъезды на извозчиках, дорогой консервный стол, постоянный коньяк, необходимый под дождем в лесу, совершенно расстроили наш не рассчитанный на длительное пребывание в СССР бюджет. Сегодня разменяли половину нашего золотого фонда: три царские золотые пятирублевки. Оставались еще три золотых, но мы хотели их оставить на память.

Ровно в 8 ч. 50 мин. мы подошли к дверям Центрального Партийного Клуба… Минута раздумья, даже секунда — как перед броском в воду с многосаженной высоты — и я, мельком оглянувшись на своих приятелей — их лица, немного бледные, выражали энергию и суровую решимость — оттолкнул тяжелую дверь…

Полутемный вестибюль… Роскошь… Ковры… Налево — лестница наверх; направо — вешалка. Большой стол с лампой под колпаком; за столом женщина лет тридцати с крайне несимпатичным, наглым и, я бы сказал, преступным лицом (это

была, как мы после узнали, товарищ Брекс).

Мы растерялись… По расчету, Дима должен был «бить по черепу» первого остановившего нас в вестибюле, но перед женщиной Дима застыл в оцепенении… Я тоже был смущен. Только через несколько мгновений я почувствовал какой-то внутренний толчок и решительно подошел к коммунистке, изобразившей из себя вопросительный знак.

— Вам что здесь надо, товарищ?

Я просил развязно:

— Где тут идет заседание по переподготовке деревенских пропагандистов?

— А вы кто такие?

— Коммунисты.

— Второй этаж, первая дверь направо. Распишитесь в этой книге, товарищи, напишите фамилию и номер партбилета… Пальто оставьте здесь на вешалке…

Я обмакнул перо и написал: «Федоров — № 34». Написал и сразу сообразил, как глупо было указывать такой маленький № партбилета. Сергей сделал еще хуже и чуть не погубил все наше дело: вынув из кармана фальшивый партбилет, грубо сделанный за границей, отличающийся даже обложкой от подлинного партбилета, он предъявил его товарищу Брекс.

— Что это у вас за билет, товарищ? — заинтересовалась последняя. — Разве у нас такие билеты?

— Да мы ведь московские… — пробормотал невразумительно Сергей.

Я решил торопиться, подошел к вешалке и снял плащ. Дима и Сергей тоже стали снимать плащи. Получился новый пассаж: мы не ожидали, что надо будет раздеваться, и потому часть боевого снаряжения находилась у нас в карманах плащей… Пришлось чуть ли не на глазах тов. Брекс перекладывать оружие друг у друга за спинами… К счастью, «битая в темя» коммунистка не заметила и этого.

Стали подниматься по лестнице…

Голова, мозг вряд ли сознательно работали начиная с того момента, как я открыл дверь и вошел в вестибюль Партклуба. Все окружавшее — мебель, люстры, лестница, лицо тов. Брекс, вешалка — все поплыло в тумане… Лишь какие-то внутренние, подсознательные толчки диктовали действие… Это был могучий, проснувшийся в глубине моего «я» звериный инстинкт…

Лестница в два поворота и — тяжелая, высокая, со старинной ручкой белая дверь… Я решительно распахнул ее и заглянул в комнату… Посреди огромной, блестевшей зеркалом паркета комнаты, за круглым столом сидело человек семь товарищей, из

коих две или три женщины… Я закрыл дверь и повернулся к Диме и Сергею.

— Не стоит… Их слишком мало… Не по воробьям же стрелять из пушек…

Пошли назад… Спустились мимо тов. Брекс.

— Что это вы так скоро, товарищи? — заскрипел ее неприятный голос.

— Да нам, оказывается, не туда; нам в район. Мы ведь здесь ничего не знаем… из провинции мы… — объяснил я.

В дверях Партклуба стоял молодой красивый офицер «Чона» и холодно проницательно смотрел на нас… Мы вынырнули из подъезда и быстрым шагом пошли по Мойке к Невскому…

Я оглянулся раза два… Погони не было… Кажется, все сошло благополучно.

В душе сразу воцарилась реакция — сказалось огромное напряжение нервов… Досада на неудачу, на медлительность и нашу растерянность заполнила все мое существо.

Мы как-то машинально перешли мост и пошли по Невскому к Гостиному двору. День был полон неожиданных событий…

Когда мы остановились у какого-то ларька против Гостиного двора, чтобы утолить жажду, меня сзади окликнули:

— Ларионов!

Я с ужасом оглянулся: ко мне подходил мой старый школьный друг И. Он был в форме…

— Ты какими судьбами здесь? Ведь говорили, что ты, — он понизил голос, — был в Белой армии и за границей?

— Да… я приехал сюда на пару дней…

— Ну, как поживаешь, что делаешь?

Н. стал подробно и оживленно рассказывать о себе… Шагах в двадцати за нами шли в полном недоумении Дима и Сергей с портфелями, набитыми гранатами Новицкого, а почти рядом с ними шли два спутника Н. в такой же форме, как и он…

Я старался меньше рассказывать и больше расспрашивать о школьных товарищах…

— К. был красным офицером, служил в гаубичной батарее и застрелился года два тому назад… В. женат, служит, имеет двух детей и страшно бедствует… Р. — коммунист.

Рассказал и я ему бегло о наших общих друзьях в эмиграции… По-видимому, он что-то сообразил, так как почти не расспрашивал о моей личной жизни…

У Аничкова моста мы крепко пожали друг другу руки и разошлись — каждый своей дорогой… Дороги наши были действительно различны… Через три месяца, когда в советской печати появилась моя фамилия, бедный Н., вероятно, пережил

неприятные минуты, вспоминая встречу у Гостиного двора…

В вечернем трамвае давка. На остановках хвосты служащих и рабочих. Меня совсем сжали на задней площадке. Изворачиваюсь, как угорь, спасая тонкое стекло баллонов с газами. Нажми на мою грудь чье-нибудь плечо и… скандал получился бы незаурядный…

У дверей Нардома под навесом прячется публика от дождя. По-видимому, заседание по вопросу о «снижении цен» началось, так как входящих больше нет. Впрочем, вот две женщины в «коже» и красных платках на голове входят в обширный вестибюль оперы…

Сказав спутникам: «Ждите меня у подъезда», я направился за этими двумя женщинами в вестибюль.

У входа на главную лестницу женщин остановили: четверо чекистов в форме склонились над их пропусками…

Я тотчас вынырнул из подъезда…

— Четверо — это много… — решил я. — Правда, внезапность на нашей стороне, но, покуда мы будем расчищать себе дорогу в зал, в зале уже начнется паника, толпа хлынет на лестницы… Так что даже в случае прорыва через контроль нам все же вряд ли удастся бросить бомбы в зале… Будь нас человек хотя бы шесть, «пленум ленинградского совета» был бы в этот июньский вечер взорван…

Дима сказал:

— Если прикажешь, я готов — мне все равно, где и как… Всюду одинаково угробят…

— Нет, лучше завтра в Партклуб… Там уже знакомее обстановка, — таково было мое окончательное решение.

Две неудачи значительно ухудшили настроение. В душе я упрекал себя за недостаток решимости. Но привычка, еще со времени гражданской войны, заставляла, помимо логики и рассудка, слушать еще какой-то внутренний голос. Сколько раз он спасал мне жизнь! Этот голос твердо и определенно говорил мне: «Завтра в Партклуб…»

Дождь лил как из ведра. Над мрачным серым Питером болотные испарения, туман и фабричные перегары смешивались в мокрый желтоватый сумрак…

Я переутомился. Бессонные короткие, прерывистые ночи, сырая земля, непрерывный дождь, проникающая до костей сырость… Постоянное беспокойство, оглядки направо и налево, страшное напряжение нервов и воли — все это давало о себе знать… Решение было непоколебимо, но душа жила в каком-то хаосе движений. В эти тяжелые часы мысли уходили в прошлое героических походов на Кубани: тени Корнилова, Маркова, Тимановского, Шперлинга проносились над моим утомленным

обессиленным сознанием, звали к твердости и борьбе до конца. В сумрачной толпе чужих, серых лиц, под взглядами чекистов столько раз лихорадочно работала мысль:

«Разве эти подвиги — жертвы, героизм Корнилова и Маркова не обязывают и нас на всю жизнь, навсегда продолжить тернистый, славный их путь? Разве для того только в сотне битв не коснулась немногих нас смерть, чтобы кончали мы бесславно жизнь свою на задворках Европы? Мы, о которых сказал поэт:

Не склонившие в пыль головы
На Кубани, в Крыму и в Галлиполи…

Это и есть смысл нашей жизни: предпочитать смерть — пыли».

В данном случае перед дверью «партклуба» была пыль; за дверью стояла — оскаленная смерть…

Третьего не было…

Было восемь часов и три четверти…

Белый вечер, сырой и теплый, висел над «Ленинградом». Звонки трамваев, шарканье человеческих гусениц по панелям, стук собственного сердца — частый и тревожный — вот и все, что воспринимало сознание.

И еще оно восприняло ясно и четко, что у подъезда Партклуба стоит милиционер, что ворота в проходной двор в соседнем доме заперты на солидный висячий замок и остается единственный путь бегства — на Кирпичный переулок…

Прошли перед «мильтоном». Он скосил на нас глаза и отвернулся… Выглянули на него из-за угла Кирпичного. О счастье! «Мильтон» неторопливым шагом побрел к Гороховой… Путь, значит, свободен!..

— Смотрите не отставать, — говорю я спутникам, чувствуя, как мой голос звучит отчаянием кавалерийской атаки.

Тяжелая дверь еле поддается…

Я знаю наверное, что на этот раз — все будет…

В прихожей полумрак. Товарищ Брекс беседует о чем-то с маленьким черноватым евреем; они оба склонились над какими-то списками. Еврей в чем-то упрекает тов. Брекс, и она, видимо, сильно смущена. Низкая лампа освещает их лица. Прямо перед нами лестница наверх, налево вешалка — мы уже здесь все знаем.

— Распишитесь, товарищи, и разденьтесь, — кидает торопливо т. Брекс, показывая на вешалку, и продолжает свое объяснение.

«Федоров, № партбилета 34», — вывожу я неровным почерком… Дима лепит кляксу, Сергей на сей раз не вынимает

уже «партийного» билета…

Поднимаемся наверх, идем по коридору, видим в конце коридора зал с буфетной стойкой и далее — вход в коммунистическое общежитие.

Из-за стойки выходит какая-то сухощавая молодая женщина и идет нам навстречу. Я с портфелем под мышкой, вежливо расшаркиваюсь:

— Доклад товарища Ширвиндта?

— Дверь направо…

— Очень благодарен, товарищ…

Тяжелая, почти до потолка, дубовая дверь… Как сейчас помню медную граненую ручку… Кругом роскошь дворца.

Нет ни страха, ни отчаяния, ни замирания сердца… Впечатление такое, точно я на обыкновенной, спокойной неторопливой работе…

Дверь распахнута. Я одну-две секунды стою на пороге и осматриваю зал. Десятка три голов на звук отворяемой двери повернулись в мою сторону… Бородка тов. Ширвиндта а-ля Троцкий склонилась над бумагами… Столик президиума — посреди комнаты… Вдоль стен — ряды лиц, слившихся в одно чудовище со многими глазами… На стене «Ильич» и прочие «великие». Шкапы с книгами. Вот все, что я увидел за эти одну-две секунды…

Закрываю за нами дверь…

Я говорю моим друзьям одно слово: «можно», и сжимаю тонкостенный баллон в руке…

Секунду Димитрий и Сергей возятся на полу над портфелями, спокойно и деловито снимая последние предохранители с гранат…

Распахиваю дверь для отступления… Сергей размахивается и отскакивает за угол. Я отскакиваю вслед за ним… Бомба пропищала… и замолкла. Еще секунда тишины, и вдруг страшный нечеловеческий крик:

— А… а… а… а… Бомба!..

Я, как автомат, кинул баллон в сторону буфета и общежития и побежал по лестнице…

На площадке мне ударило по ушам, по спине, по затылку звоном тысячи разбитых одним ударом стекол: это Дима метнул свою гранату.

Сбегаю по лестнице…

По всему дому несутся дикие крики, шуршание бегущих ног и писк, такой писк — как если бы тысячи крыс и мышей попали под гигантский пресс…

В прихожей-вестибюле с дико вытаращенными глазами

подбегает ко мне тов. Брекс.

— Товарищ, что случилось? Что случилось? — еле выдавливает она из себя…

— Взорвалась адская машина, бегите в милицию и в ГПУ — живо! — кричу на нее командным голосом.

Она выбегает за дверь и дико вопит на Мойку:

— Милиция!!! Милиция-а-а!..

Сергея уже нет в вестибюле. Я ерошу волосы на голове — для выскакивания на улицу в качестве пострадавшего коммуниста, кепка смята и положена в карман, пальто-плащ бросаю в клубе. Жду Диму… Второй баллон в руке наготове.

Секунда… вторая… третья…

Медленно сходит Дима… Рука — у немного окровавленного лба; лицо, однако, непроницаемо-спокойно. Не торопясь, он подходит к вешалке, снимает свой плащ и надевает его в рукава…

— Ты с ума сошел… скорее… живо!.. — кричу ему и кидаю баллон через его голову на лестницу.

Звон разбитого стекла… и струйки зеленого дымка поднимаются выше и выше — это смерть.

Наконец мы на улице. Направо к Кирпичному — одинокие фигуры, налево от Невского бежит народ кучей, а впереди, шагах в тридцати-сорока от нас милиционеры — два, три, четыре — сейчас уже не скажу.

В эту минуту все плавало в каком-то тумане… Уже не говорил, а кричал мой внутренний голос: *«Иди навстречу прямо к ним!..»*

Я побежал *навстречу* милиции, размахивал руками. Дима бежал за мной. Какой-то человек выскочил за нами из двери клуба — весь осыпанный штукатуркой, как мукой, обогнал нас и кричал впереди:

— У… у… у… у!..

— *Что вы здесь смотрите?* — закричал я на советскую милицию. — *Там кидают бомбы, масса раненых… Бегите скорее… Кареты скорой помощи… Живо!!!*

Лица милиционеров бледны и испуганы, они бегом устремились в Партклуб.

Мы с Димой смешиваемся с толпой, где быстрым шагом, где бегом устремляемся через Невский, на Морскую к арке Главного Штаба… На Невском я замечаю рукоятку маузера, вылезшего у меня на животе из прорезов между пуговицами на френче. Запихиваю маузер поглубже, достаю из кармана кепку и набавляю шаг.

Из-под арки Главного Штаба, как ангел-хранитель, выплывает извозчик. Хорошая, крепкая лошадка — редкое исключение. У

ваньки открытое, добродушное русское лицо.

— На Круговой вокзал!

— Два с полтиной положите?

— Бери три, только поезжай скорее!..

Из-под темной арки Главного Штаба показывается площадь Зимнего Дворца — тот самый путь, по которому некогда бежал Канегиссер…

Лошаденка бежит резво. Я немного опасаюсь, как бы не отрезали мосты, но через Литейный проезжаем пока что спокойно.

Дима пьян от радости, возбуждения и удачи. Он заговаривает с извозчиком:

— Ты, братец, не коммунист?

— Нет, что вы, господин, из нашего брата таких мало, крест на шее носим…

— Молодец, ты, извозчик, хороший человек…

Потом Дима машет рукой проходящим по тротуару барышням и что-то кричит им… Довольно сбивчиво рассказывает он мне, что с ним случилось после взрыва бомбы:

— Понимаешь, когда я бросил бомбу, я смотрел в дверь — как она взорвется. Ну, дверь сорвало и ударило мне по башке, вот и кровь на лбу. Когда я очухался и пошел к лестнице, какой-то длинноволосый с портфелем под мышкой танцевал предо мной. Я ему крикнул: «Что ты, трам-тарарам, болтаешься под ногами…» Потом выхватил «парабеллум» и выстрелил ему в пузо… Длинноволосый схватился обеими руками за зад и медленно сел на пол, а я пошел дальше и увидел тебя в вестибюле…

(В советском сообщении сказано: «Тов. Ямпольский успел выскочить при взрыве из комнаты и самоотверженно схватил бандита за обе руки; тот выхватил пистолет и выстрелил товарищу Ямпольскому в живот».)

Дима помолчал немного и сказал:

— А Сережка-то, верно, влип. Он ведь не знает города и вряд ли доберется один до вокзала. Вот бедняга…

Из-за поворота улицы показалось знакомое здание вокзала с часами… Было 9 ч. 30 мин. Поезд на «Красноостров» отходил в 9 ч. 40 мин. Оставалось 10 минут до отхода… Но эти десять минут тянулись как десять часов… Мы с Димой ходили взад и вперед по дощатой платформе вдоль почти пустого вечернего поезда и не спускали глаз со входной калитки, следя, не появится ли отряд чекистов, но все было благополучно. Редкие пассажиры шли все в одиночку, возвращаясь с работы, неся портфели или сумочки с провизией. Наконец минутная стрелка подпрыгнула к 9 ч. 40 мин., и поезд, толкнувшись с грохотом буферами, медленно

поплыл вдоль длинной платформы…

Многодневный тяжелый камень скатился с сердца. Хотелось кричать «Ура!» Хоть и таились впереди еще опасности, но по сравнению с той, откуда мы только что выскочили, они казались игрой…

Да и что могло быть? Ну, задержали бы поезд, начали бы искать по вагонам, проверять бумаги, но ведь в темноте, среди лесов, полей и болот, мы всегда бы с Димой, при помощи револьверов и ручных гранат, отбились бы от трех-четырех чекистов, а ведь больше и не могло быть на маленьких пригородных станциях… А там — ищи ветра в поле.

Но вот и Левашово. Только вышли в дождливый, теплый мрак, из-под которого тускло мелькали станционные фонари, слышим за своей спиной знакомый голос:

— Это вы, черти! Что же вы, трам-тарарам, сговорились бежать на Кирпичный, а сами…

— Сережка! — радостно закричал Дима.

Оказывается, Сергей сел в поезд уже на ходу. Во время его бегства случилась целая эпопея: когда кинутая им бомба не разорвалась, он выскочил на улицу и уже там услыхал взрыв. Добежав до Кирпичного переулка, он свернул в него; шла суматоха, народ бежал на взрыв; какой-то дворник свистал и гнался одно время за Сергеем, но он успел замешаться в толпе на Невском и вскочил в трамвай. За 40 минут, оставшихся до поезда, он увидел, что ошибся трамваем, пересаживался на другие трамваи и, наконец, добрался до вокзала за полминуты до отхода поезда. Нечего было и думать брать билет. В поезде, во время контроля, с него потребовали штраф в размере двойной стоимости проезда. У бедного Сергея не хватило 50 копеек…

— Ну что же, гражданин, на следующей станции вам придется пройти со мной в железнодорожное ГПУ…

— Товарищ, — взмолился Сергей, — мне очень спешно, я еду к больной матери…

Контролер был неумолим. Вдруг сидевшая напротив Сергея старая еврейка сжалилась и дала ему 50 копеек. Сергей, конечно, всеми святыми поклялся возвратить ей долг и взял ее адрес.

Какие-то силы решительно благоприятствовали нам. Ведь Сергей, не зная совсем города, спасся действительно чудом.

Делясь отрывочными впечатлениями о только что совершенном и пережитом, идем к нашему пункту, где были закопаны в мох остатки наших денег и сверток с провизией на обратный путь.

На перекрестке дорог к нам подошли два молодых крестьянина:

— Не знаете, товарищи, дорогу в Дранишники?

— Идемте с нами, я вам покажу, где сворачивать, — ответил я.

Пошли вместе по мягкой лесной дороге. Перекинулись несколькими фразами. У поворота мы сердечно простились с нашими ночными спутниками. И чувствовался некий символ в том, как разошлись мы с ними разными дорогами. Символично было и пожатие руки, и прощальное — «до свидания»… Да, до свидания, быть может, не в далеком будущем России Зарубежной, откуда мы сейчас пришли, с Россией подлинной, Родиной нашей несчастной…

Через десять минут мы были уже «дома» — под елками… Дима посмотрел на наше ложе в последний раз и сказал:

— А ведь и здесь не так уж плохо… Даже жаль уходить…

Перешагнули через старые окопы, подлезли под колючую проволоку и зашагали по болотистому лугу. При помощи светящегося компаса, карты и электрического фонарика я довольно уверенно пошел к границе. Я ни минуты не сомневался в успехе перехода, но, конечно, пункты погранохраны ГПУ и наиболее тщательно охраняемые районы мне не были ведомы.

Около 11 часов ночи мы вышли на шоссе и по правой обочине зашагали быстрым шагом прямо на северо-запад.

Трудно было решить, что нам выгоднее, идти ли по дороге, рискуя встретить красных, но выиграть время, или прятаться по медвежьим углам и болотам и потерять еще сутки, в течение которых могла быть организована широкая облава по границе… Успех взрыва так окрылил меня, что теперь казалось море по колено, и я решил идти до последней возможности по шоссе, обходя лишь лесом встречные деревни.

По дороге изредка навстречу нам двигались возы, ехали крестьяне в телегах и двухколесках… Грохот колес и огоньки цигарок предупреждали нас о встречах издалека. В таких случаях мы сворачивали с дороги, ложились за кусты и пропускали встречных.

Все шло благополучно. Благоприятно было и то, что за нами небосклон был охвачен черной тучей и, наоборот, впереди нас был розоватый просвет, на фоне которого четко проецировались фигуры встречных. Кроме крестьян с возами мы пропустили всадника с винтовкой и двух военных в шарабане.

В 12 часов ночи дошли до Черной речки и до деревни того же имени. Я знал еще раньше, что деревня эта пользуется плохой славой — коммунистическая, и что есть в ней пункт пограничного ГПУ… Под высоким каменным мостом сделал я привал и, разложив карту, при свете электрического фонарика стал искать

обходного пути лесом…

Пока я изучал карту, Сергей играл с наганом и доигрался — спустил курок. Слава богу, патрон оказался испорченным — выстрела не последовало. И тут нам повезло…

После недолгого раздумья я решил обойти Черную Речку лесом. Шли обходом довольно долго. Слева переливались, то приближаясь, то отдаляясь, огни деревни. Оттуда несся многоголосый глухой собачий лай… Весь луг по болоту и перелески у деревни были обмотаны колючей проволокой, и очень скоро на одежде у нас появились дыры и руки засочились кровью.

Наконец из светлеющего полумрака белой ночи мелькнула ровная лента шоссе…

Как легко стало шагать после болота… Прошли мимо большого темного строения с вышкой. По карте это — постоялый двор. Впоследствии, впрочем, мы узнали, что это был не постоялый двор, а пункт пограничного ГПУ.

Револьверы у нас в руках — наготове.

Около часу ночи заметили впереди две маячившие серые фигуры. Свернув в лес, мы стали ждать, когда они пройдут мимо нас по шоссе. Фигуры же эти не проходили. Я выглянул из-за куста: люди стояли, не двигаясь. Видно, пост ГПУ…

— Обойдем их лесом.

Свернули в лес, но обошли мы их, видимо, недостаточно глубоко и, вероятно, сильно трещали хворостом… Впрочем, вывод этот пришлось сделать не сразу, а через несколько минут…

Когда я вышел на дорогу, было почти совсем светло — белая ночь кончалась… Дорога была пуста. Дима и Сергей карабкались через канаву. Я еще раз оглянулся на дорогу, но не успел я сделать и пяти шагов, как услышал грубый мужской голос:

— Стой, руки вверх!..

В двадцати шагах от нас на шоссе стояли два высоких человека в длинных непромокаемых плащах, и оба навели на нас наганы. У одного из них, на короткой привязи, напружинившись, рвались две здоровые собаки-волка… Вслед за окриком защелкали выстрелы у самых наших ушей. Зазвенел и заныл воздух…

— В лес бегом, не стрелять!.. — крикнул я и одним прыжком скатился в канаву, в густой кустарник.

Мальчики бежали рядом. Выстрелы защелкали нам уже вслед, но не в упор, как несколько секунд тому назад, а из-за кустов. (По советским данным: «В ту ночь в 1 ч. 03 мин. патруль обнаружил трех неизвестных, направляющихся к границе. В завязавшейся перестрелке убита собака».)

Мы бежали часа два, изменив резко направление к северу, к Ладоге, стараясь ступать по воде — по ручейкам и лужам. Пугали нас не два чекиста, а их собаки, что было значительно опаснее, если бы им удалось выйти на наш след…

Я знал, что значит «тревога на границе»: через две-три минуты к месту тревоги через изгороди, чащу и пни понесутся десятки всадников. Телефоны по всем постам протрубят об облаве, вся погранохрана будет поставлена на ноги… Не лучше ли спрятаться в какой-нибудь яме и дожидаться следующей ночи, а не приближаться к границе сейчас, уже обнаруженными и, быть может, даже выслеженными?..

Тревоги по линии границы я больше всего и боялся…

Прошло часа три после встречи с постом. Идя полуоборотом на запад, счастливо пробрались через широкое проволочное в три кола заграждение. Часов в пять утра совершенно мокрые — до нитки, найдя в чаще глубокую яму, решили залечь в ней… Уверенности в благополучном переходе границы теперь уже у меня не было.

Заморосил дождь. В этой проклятой яме сидеть было донельзя неудобно. Дима, любитель покушать, все время ругал последними словами Сергея, бросившего при встрече с постом сумку с провизией.

Шестнадцать часов — с 5 ч. утра до 9 ч. вечера — мы, голодные и мокрые, пролежали в яме без движения. В лесу, кругом, была тишь, только один раз послышался отдаленный звук собачьего лая. К вечеру, в довершение всех бед, на нас напали тучи болотных комаров.

В 9 часов дождь прошел и выглянуло ясное небо. Я встал, расправил кости, вынул компас и, нацелив стрелку, повел мой «отряд» в дальнейший путь. Шли мы очень долго, то ныряя в болотах, то пробираясь сквозь гущу колючего можжевельника. В клубах поднявшегося тумана великанами высились огромные сосны и густые ели… Переходили много раз узкие тропы, часто со свежим конским следом.

«Патрульная дорожка», — не без тревоги в душе думали мы… Пересекли несколько просек. С большой опаской прошли несколько открытых полянок. Не без удовольствия ныряли в гостеприимную темную чащу, еще и еще увязали в болотах. К часу ночи мои спутники взмолились:

— Да верно ли мы идем? Может, заблудились?.. Давайте искать деревню, чтобы поесть.

— Я больше не могу идти от голода, — наконец категорически заявил Дима.

Я убеждал моих юных друзей еще сделать одно усилие,

собрать все силы; лгал им, говоря, что слышу уже шум реки… Но около 2 часов ночи действительно вдали за чащей леса послышался глухой шум реки… Лес кончался. Мы вышли на какой-то туманный луг, на краю которого за изгородью виднелись сараи и дома.

— Не стоит обходить, гайда бегом через луг!..

Бегом взяли изгороди и канавы. За лугом оказалась опять густая чаща. Идем наконец лесом на усиливающийся речной шум. Вот, наконец, и большой обрыв, под обрывом болотистая долина и через нее серебро блестящей в тумане Сестры-реки.

На финской стороне пели и перекликались кукушки… Слышались всплески на повороте реки…

Минуту мы молча стояли у обрыва, словно не веря открывшейся речной долине, потом с бьющимися от радости сердцами стали спускаться по круче, хватаясь за ветки и кусты.

Ласково и нежно журчали струйки Сестры…

Черный бор на обрыве русской стороны был глух и нем, насупившись черной шапкой.

Секунда раздумья, и я прыгнул в реку… Обожгло холодом… Вода оказалась по грудь. Подняв высоко маузер, скользя по камням, я пробирался на другой берег. Течение сильно валило.

За мной бросились в реку и Дима с Сергеем. Сергея, самого малого из нас, течение сбило с ног. Дима подхватил его:

— Ну, Сережка, не пускай пузыри! — и вынес его на противоположный берег.

— А ты уверен, что это действительно — Сестра? — спросил Дима, когда мы уже переплыли реку.

Я молча указал ему на красный пограничный столб с гербом Финляндии и щелкнул маузером, выбрасывая патрон из ствола.

— Знаешь, я должен сказать тебе, что все время сомневался, что ты нас выведешь к границе… Здоров ты, хоть и худ и выглядишь паршиво, а выносливее нас с Сережкой…

У пограничного столба Сергей поднял кулак в сторону лесистого обрыва на русской стороне и отсалютовал ГПУ наганом… Гулко раздался выстрел над спящей речной долиной.

Все было позади — тревоги, опасности, усталость… Страшное напряжение сил и нервов сменилось знакомым чувством — пустоты и тишины после боя… Мы шли вдоль Сестры по гладкой утоптанной тропинке…

Несется пение кукушки… Опять этот клик тоски и печали северных лесов, опять эта песня об ушедшем без возврата…

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

«В борьбе за Родину нельзя отделять свою судьбу от судьбы Родины. Одно надо помнить: Россия поругана, гаснут Божьи огни на её алтарях, владеют ею нечестивцы, стремящиеся стереть русский дух с лица земли».

Иван Александрович Ильин, «О сопротивлении злу силой»

«Категорически отрицаю мертвую мораль всепрощения, может быть, и очень прекрасную в идеале, но в действительной жизни выгодную только для мерзавцев и преступников всякого рода. Нет, русские дети, не забывайте никогда, что сделали с вашей Родиной, с вашими отцами, братьями, сёстрами и матерями, с вами самими. Если мы окажемся способными это забыть и простить, то, значит, мы были достойны того, что с нами сделали».

Михаил Петрович Арцыбашев, газета «За свободу!», № 194

«Как возможно не противиться народу, который восстал для того, чтобы лишить нас свободной самобытной жизни и насильственно подчинить нас чуждым нам формам и велениям?

Ведь это значило бы отречься от того, ради чего вообще только и стоит жить на свете, отречься от самозаконного служения духу. Это было бы уже не щедростью, а

духовным самоубийством.

Щедрым вообще можно быть только в отдаче того, что принадлежит самому щедрому. Нельзя предоставить сильному угнетать слабого; нельзя быть щедрым в отдаче чужого блага или чужой жизни; нельзя дать поработить себя; нельзя дать истребить свой народ и свое искусство; нельзя отречься от своих убеждений и верований. И если бы опасность грозила всем этим духовным благам или хотя бы одному из них, то вопрос о несопротивлении нападающему пал бы сам собою».

И. А. Ильин, «Основное нравственное противоречие войны»

Эта книга уникальна. И не только потому, что в ней дано верное описание подсоветской жизни и подсоветской психологии. Любая книга ценна правдою жизни, а не бесплодными мудрствованиями теоретиков. А тут — правда и только правда, взятая из самой жизни такою, какая она есть — и какою по сей день остаётся.

Виктор Александрович Ларионов подробно, не скрывая деталей, рассказывает о своей боевой вылазке в Советию. Именно он возглавлял успешно выполнившую свою задачу тройку «Боевой организации генерала Кутепова».

Стоит немного рассказать В. А. Ларионове. Виктор Александрович был из тех, кто, не смотря ни на что, сумел нелегально пробраться на Дон и встать в ряды белой армии. С оружием в руках боролся против поработителей России. Прошёл он и через Галлиполи. В 1921 году уехал из Галлиполийского лагеря к родственникам в Финляндию. Активно работал в РОВС. Кстати сказать, Виктор Александрович одним из первых понял что Скоблин готовил чудовищное предательство.

В «Боевой организации генерала Кутепова» В. А. Ларионов продолжил белую борьбу на захваченной врагами русского народа исконно русской земле. В Совдепию было заброшено несколько нелегальных групп. Не все из них предназначались для диверсионной работы, не все и должны были возвращаться

обратно. Агитационные группы шли с литературой. Эта самоотверженная работа не обходилась без потерь.

Тройка под началом Ларионова разведала обстановку в Петрограде и осуществила задуманную диверсию, после чего благополучно вернулась обратно. Помогли ей в этом строгая конспирация и умение смело действовать своими собственными, пусть и малыми силами.

Потом, с середины 1930-х, Виктор Александрович Ларионов успешно работал с молодежью: растил верных Белой идее, стойких борцов за освобождение нашей родной земли. Принял участие и во втором этапе русского освободительного движения. Он оставил заметный след в деле борьбы за Национальную Россию.

Дмитрий Барма (в Facebook: Dimitri Barma)